

СМЕНА

2
1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Таджикистан — в лесах новостроен. Поднимаются корпуса новых заводов и фабрик, вырастают новые жилые дома. В этой маленькой республике построено выполнены план первого года семилетки. На этом снимке вы видите четкие контуры синтетического завода, сооружаемого близ Сталинабада.

Фото М. Грачева.

МЫ В КОММУНИЗМ РАСПАХИВАЕМ ДВЕРИ

ЛЕНИН

Несколько уже год прошёл с того памятного дня, когда в Большом Кремлевском дворце XXI съезд Коммунистической партии утвердил семипятилетку — грандиозную, не имеющую себе равных в истории программу развернутого движения страны и народа к коммунизму!

Да, прошел год. Прошел, промчался, прошел!

Но как много сделано за этот небольшой, по существу, срок! Руками молодых, наименее, трудолюбивых. Заводы начали в Днепропетровской, Нижегородской, Донецкой комсомольских домах; первую производство для Ново-Кирноворожского горнообогатительного комбината, носящий славное имя Ленинского комсомола; вступили в строй девять новых агрегатов Сталинградской ГЭС; работала Прибалтийская ГРЭС; сданы в эксплуатацию многие заводы синтетических материалов; побежали через сибирскую тайгу электропоезда по линиям, над которыми шествовал комсомол; Рязанская область, в недавнем прошлом осталась без электричества, выполнила план трансформации за месяц...

Трудно перечислить все то, что произошло, плавно, сбылось за этот год — первый год великого семипятилетия.

Комсомол и наше молодёжь с огромным энтузиазмом взялись за осуществление преднаучертанья XXII съезда Коммунистической партии. Пламенем созидания замок из молодых душ. Высокая оценка деятельности комсомола, данная съездом партии, воодушевила юношей и девушек на новые торжественные дарзны, на новые свершения во имя замечательного будущего. С особенным удовольствием повторяет сейчас молодёнький слова Маяковского:

Коммунизм —
это молодость мира,
и его
возводить
молодым.

В промышленности, в строительстве, в сельском хозяйстве, в искусстве, науке — в склоне есте, неизбримом поле для применения молодых сил. И во всех больших делах, задуманных и осуществляемых партией, Ленинский комсомол — ее первый и постоянный помощник.

Молодёжь встретила XXI съезд своей родной партии славной инициативой — борьбой за звание бригад коммунистического труда. Началось это всеми лицами год с небольшим тому назад. А сегодня нельзя представить себе

наших заводов, строек и сел без этого движения. Идет борьба молодых людей за выполнение и перевыполнение производственных заданий и одновременно — за формирование нового человека.

Коммунистические черты приходят в наше сознание, в нашу жизнь и быть не только сами, в результате созданных обществом условий. Эти черты необходимо воспитывать в себе и в товарищах, выковывать в горнилах творческого духа.

Все, что делается и предпринимается партией, направлено на улучшение жизни народа. Наша страна и наш народ прошли тернистый и сложный путь: войны, разрухи, трудности восстановления хозяйства... Но первопуток ведёт всегда труднее, чем гладких и накатанных дорог. Самоотверженность, отдача всех сил, а если надо, и жизни во имя будущего всегда были законом советских людей. В результате усилий несокольких поколений наше общество, когда мы говорим о нем, подразумеваем группу людей, которые, то и понимают уже плоды в социалистическом саду. Жить становится лучше с каждым годом, и особенно ярко видны успехи наши в только что завершившемся первом году семипятилетки.

Мне часто приходится летать над нашей страной, ездить по ее дорогам. Я видел много строительств, начиная с первой пятилетки, и облик стройки мог бы уже показаться привычным, привычка глазу. Но такого грандиозного строительства идет в стране, что привыкнуть к этому невозможно, и каждый город, каждое село, каждая дорога вновь и вновь поражает науменем.

Часто, приезжая в какой-либо город после непродолжительного отсутствия, я попадаю в затруднительное положение: того и гляди заблудишься в новых кварталах.

Внешний облик нашей страны-стрижки изумляет и восхищает не только наши друзья, приезжающие из-за рубежа, но и самые заядлые западные скептики и недоброжелатели.

То, что происходит у нас в стране, кажется мне чудом. Да, чудом, потому что верится в чудо. Да, чудом, потому что знаешь их внутреннюю предпосылку, их революционную сущность.

Когда мы узнаем о том, что советская ракета достигла Луны, мы прежде всего думаем о наших замечательных ученых, сумевших превратить мечту в реальность, о мудрых умелцах — рабочих и техниках, блестяще осуществлявших эти замыслы. Пусть еще не назывы их имена, они и заочно окружены всенародной любовью.

Когда мы узнаем о том, что Рязань добилась исключительных успехов в развитии животноводства, мы прежде всего думаем о старых и молодых труженицах колхозных ферм, о колхозном строе — дитяще революции.

Когда мы узнаем о том, что все меньше у нас остаются отстающих цехов,brigад, мастерских, мы прежде всего думаем о простоте русской жизни. Валентина Гагарина, совершившая очень простой и в то же время великий подвиг, во всенародное движение, превратившийся во всенародное движение.

Делать партии стало в нашу эпоху ЛИЧНЫМ ДЕЛОМ всех советских людей, и в частности молодежи. И когда комсомолцы Пермской области ведут соревнование «За личный вклад в семипятилетку», они уже открывают двери в грядущее. Их атлеты ленинградцы, с увеличением поддержки, предложением комсомольца Михаила Ромашова — выполнить за пять лет работы семипятилетки по производственному труду.

Молодёжь помнит, какое громадное значение придавал Ленин повышению производительности труда. С нескольких сторон подводят наш народ к выполнению этой высокой задачи: автоматизация и усовершенствование производственного процесса, прогресс технологии — с одной стороны, повышение сознательности, личной ответственности каждого трудающегося — с другой, улучшение материальных и бытовых условий труда, поддержание и усвоение производственного государства — с третьей.

Энтузиазм молодежи — одна из счастливых причин того, что семипятилетний план выполняется успешно и, конечно, напримерен будет плавильщикам. А если советские предложения о всеобщем разоружении, выдвинутые Н. С. Хрущевым во время его исторического визита в США, восторжествуют во всем мире, стремительный темп семипятилетки неслыханно возрастет и умножится.

Второй год семипятилетки пришел на смисли многострадальному и удачному первому году. Сборы единомышленников, съезды бригадиров плана Родины вступят в строй многочисленные новые предприятия. Ежегодно спрашиваются новоселья в сотнях и тысячах новых квартир. Успешно выполняется грандиозная программа энергетического строительства — новые миллионы киловатт потекут по проводам, чтобы осветить ближние подступы к коммунизму.

Год назад на съезде от имени партии Н. С. Хрущев выразил уверенность в том, что киевский комсомол, наша славная советская молодёжь будут в первых рядах борьбы за успешное осуществление семипятилетнего плана.

Замечательными делами отвечают наши юноши и девушки на этот призыв партии. Мы живем в великолепное и счастливое время, и нельзя жалеть сил для того, чтобы стать достойным своей эпохи.

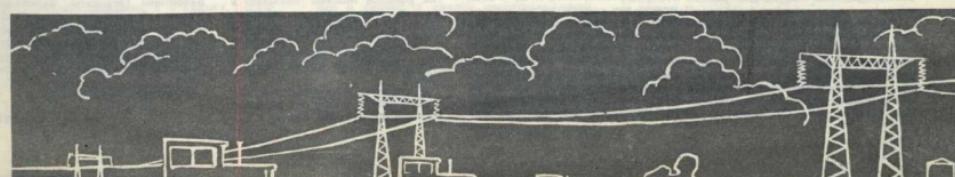
Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ.
Январь. № 2. 1960 год.

Год
издания
37-й

БОГАТСТВО ВАЛЕНТИНЫ ЖМЫХОВОЙ

«Смелый мечтатель и филантроп-практик» (по выражению журнала «Сатердэй нининг пост») Гарри А. Гретт с 1945 года искал богатство «жертвы любви», чтобы с их помощью построить детское учреждение. Сам Гретт изменился на строительство несколько тысячи долларов. Жест, как говорится, широкий, но... оставим пока филантропа-практика в покое. Мы, собственно, собираемся рассказать о нашей советской девушки, простой работнице Валентине Жмыховой.

Двадцатипятилетняя московская портнихка комсомолка Валентина Жмыхова — небольшая девушка с цветом лица, как у девушки из сказки, и светлыми кудрями, в ее бледности разбрасываются любая третьяжка, умеющей считать до тысячи. Но богатство богатству рознь.

Отец Валентины был строителем метро, он погиб солдатом в последней войне. Он не оставил своей дочери в наследство капиталов. Отец оставил ей в наследство другое истинную любовь к Отчизне истинную заботу о благе народа. И потому, что это наследство попало в горючие честные руки, Валентина стала настолько богатой, что на ее средства и средства последователей ее почина швейная фабрика Краснопресненского района собирается выстроить детский сад.

...Начала седьмого: едва занимается рассвет. Девушки торопливо идут по улице, оставляя на нетронутом снегу четкие следы. Они заходят в небольшой гавнинский ателье, и в окнах сразу вспыхивает свет. Начинается трудовой день.

Девушки тихо переговариваются. И только Вероника Григорьева не принимает участия в разговоре: у нее что-то не «кликнет».

Валентина Жмыхова берет из руки Вероники иголку:

— Ты не расстраивайся. Это не так уж просто — стегать ватин. Вот смотри...

Валентина похожа на доброго учителя в начальной корреспонденции, застенчивую. Вероника мало спрашивает, хочет до всего дойти сама. А Валентина неминутою обидно: она ведь обучает Веронику!

Мастер и ученица работают за одним столом. Но сразу заметно, что они не просто рядом, а вместе. Иногда Валя, взглянув на работу Вероники, что-нибудь скажет. Но чаще она посмотрит и удовлетворенно промолчит. Этого сама приятные минуты для ученицы.

Первое время всем трудно. Самой Валентине Жмыховой, отличной портнихе, приходилось сначала неделгко. Правда, она и раньше увлекалась шитьем и вышиванием, но когда после десятилетки пришла в ателье, столкнулась со многими трудностями. Сложные фа-

Валентина всегда готова помочь добрым советом своей ученице Веронике Григорьевне...

Фото Г. Борисова.

соны, дорогие материалы, незнакомые приспособления. Тут технология, производство. А это совсем не то, что может подумать в свободное время.

На месте, где сейчас работает Вероника, два года назад сидела Валентина Жмыхова. Там, где сейчас трудится Жмыхова, работала мастер Ана Ессеева. Опытная портнихка обучала Валентину и получила за это 360 рублей.

А Валентине... Взяла себе ученицу, она заявила перед всем коллегами:

— Портнихи в ателье не хватает. Я обязалась обучить Веронику. Если постараться и ей и мне, можно это сделать не за полтора года, как предусмотрено, а быстрее. Вероника будет мастером через год. Но я не хочу получать за обучение деньги. Вероника — помощница мне, а не обузя. И не за деньги я стараюсь научить ее швейному делу. Я уже тысячу раз вознаграждена тем, что мою лю-

бовь к профессии хотят разделить другие девушки... Значит, так: берусь подготовить мастерину не за полтора года, а за год, и бесплатно. А девчонки, от которых я отказалась, тоже пойдут на строительство детского сада...

На швейной фабрике Краснопресненского района, к которой относится ателье № 5, подсчитали: если почин Валентины Жмыховой подхватят мастера предприятия, это даст более 200 тысяч рублей экономии в год.

И мастера подхватят. В управлении бытового и коммунального обслуживания Краснопресненского района Москвы было послано письмо, начинавшееся словами: «Следуя благородному примеру портнихи Валентины Жмыховой...»

Вскоре нашлись последователи и среди работников других профессий.

А теперь вспомним мистера Гретта. Почти десять лет он искал благодетелей, чтобы вместе с ни-

ми построить детское учреждение. Он нашел их в количестве ста двадцати одного...

Валентину Жмыхову сразу поддержало более тысячи человек. А дальше только возник. Сколько же последователей будет у Валентины через полгода, через год?

Но дело в конце концов не в этом...

У них у Греттос, широкий жест, снискательность «сильных мира сего» с немнущим, нюхдающимися, слабым, а в итоге — подачками, расчлененная на шумную рекламу.

У нас, в нашей стране, в стране Валентины Жмыховой, в стране Жмыховой и миллионах ее подобных — от сердца ищущие стремление принести пользу людям, бескорыстное стремление внести свой трудовой вклад в общее народное дело.

Богатство богатству рознь!

А. ВАСИНСКИЙ

БРАТЬЯ ИЛЯКИНЫ

(ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ)

Вот они сидят передо мною все трое, ладные, крепкие, жизнерадостные. Засмеялись чому-то — видны у них одинаково белые зубы, одинаково вытанутые к кончику и закрученные носы. И овал лица у всех один и тот же.

Но вот первостепенно смеются, и видишь, что они и похожи между собой, как и положено родным братьям, а чём-то совсем не похожи.

У старшего, Федора, и Павла, больше общего: оба черноглазые, густобривые, с темно-бронзовыми от загара лицами, с одинаково внимательными, цепкими глазами. У младшего же, Виктора, волосы ржаного цвета, и лицом он весь светлее, будто к нему и загар не пристает, и нос задран позадорнее, чем у братьевников.

Впрочем, когда приглядешься повнимательнее, то видишь, что и Павел с Федором не так похожи, как на друга. У одного из них брови выше, у другого — ниже; одна из них более длинная, чем другая; одна из них потечёт; у Федора волнистый чуб аж на самсы глаза падают, а у Павла волосы зачесаны назад и лежат очень ровно, очень гладко. Да и общие выражения лица разное: у Павла — постоянно озабоченное, будто человек что-то не успел доделать и вот обдумывает, как бы это недоделанное сработать получше, поумнее; у Федора — серьёзность в глазах как-то дружно уживается с мечтательностью, будто он и все бригадирские заботы берёт у хуя, а сверх того-это и что-то дальше наперед думает.

Разговор идет обидчины, пестрый, какие чаще всего ведутся у времён коротких париктур. Говорят, обо всем сразу: о ремёслах, о машинах, о машинальных выдумках, о сухой погоде, об уборке и тут же об «Угромреке» и о том, как трудно купить телевизор.

— Нет, это не дело — со всякой мальчицой ехать в РТС. Колхоз должен иметь свою мастерскую. В одной нашей бригаде, считай, девять тракторов да столько же комбайнов, а таких бригад в колхозе четыре... — Федор говорит это, листая журналы. Увидел какую-то картинку и легко перешел на другое. — Я там понимаю до Луны им долетьте уха и сейчас можем, а вот как высидитесь на месте, вопрос еще не решен.

— Бригадирской, как без рук — поддерживает старшего брата Павел, пропуская мимо ушей его сообщения о высадке на Луне. — И чтобы стакни в ней были всякие...

— Долететь до Луны — дело не хитров, — говорит Виктор, как о чём-то очень обычном. — Оттуда вернуться трудно — в этом вся штука. А жить там нельзя: и холод собачий и дышать нечем: воздуха нет...

Федор некоторое время спорит с Виктором, а уже через минуту переводит разговор на наши станции в Ледовитом океане, на «хукунью» погоды.

Но вот Федор решительно откладывает журналы и говорит: «Всё есть».

— Ну, поговорили, поговорили — пора за работу, время не ждет! — И первым выходит из полевого вагончика. — Ты, Павел, вместе с Виктором займись селяками, а я съезжу, погляжу, как подворники после ремонта себя показывают.

Федор отдает распоряжение еще одному

трактористу и двум комбайнерам, работающим у своих полугрузобортовых машин, затем выходит из-за вагончика мотоциклист.

— Поехали, — предлагает он мне.

Я отказываюсь. С Федором мы видимся уже

не первый раз, много говорили. Хочется поближе познакомиться с его братьями.

Узкий коридором между хлебос Федор на полном газу мчит к работавшему вдалеке агрегату, в котором издаются звуки, которые Павел и Виктор уже начали разбирать.

Из разговоров с Федором, с председателем колхоза Николаем Михайловичем Макаровым мне уже кое-что известно о братьях Ильиных.

Отец у них погиб на войне, и Федор в пятнадцать лет стал наибольшим в семье, работником, кормильцем. Время было трудное, так что и Павлу пришлось нелегко. Ему, как и Федору, и дочурке не удалось, и работать он начал тоже рано.

Виктор родился на надежной спине старших братьев. То, что им довалось с большими трудом, ему пришли само собой. Он учился сильнее, чем в школе, и работая в птицефалии лет пять тому назад, ему после девяти классов пойти в трактористы — поклонялся, направясь на курсы. Да что там на курсы Виктора послали в школу механизации, откуда он вышел, как сказали у него в удостоверении, механизатором широкого профиля: ходячими, — работать на тракторе, хочешь — сяди за штурвал комбайна.

Федор же сначала воду возил на тракторах, работая прещипчиком, прежде чем попал на курсы. Да и машину ему доверили не сразу: учи очень ростом был — ни завести трактор, ни отремонтировать его не случалось. Но было и обратное: обижен, обидел трактор. Поэтому на простыне ташит Федор в трактористы, а еще с малолетства имел большое пристрастие к технике, только обязательно изучить машину «насквозь», узнать, что к каким, внутри. Бригадир заметил такой интерес, и осенью Федор сидел уже не за штурвалом плуга, а за тракторным штурвалом.

Это было четырнадцать лет назад. Теперь Федор — уже не первый год — сам бригадир. Павел на пятнадцать лет моложе Федора. На столе же лет меньше работает он и на тракторе. Виктор моложе среднего брата еще почти на пять лет, и работает на тракторной скотине. Скотина, конечно, не спаситель, привязана к своей работе, относится к ней и сердечно и любовно. Отношение Виктора более легкое. Нет, его не назовешь легкомысленным, но все же видно, что профессия механизатора пока еще не влезла ему в кровь, и что-то оно может сделать с душой, с огноком, а к чему-то может отнести и с проказой.

Правда, на работу это в общем-то не отражается. Если, бывает, Виктор по молодости — парнишко только-только перевалило за двадцать — что-то и не так, как надо, делает, — это не останется незамеченным. Старшие братья, особенно Федор, с фамильным пристрастием наблюдают за ним, без всяких склонностей и на близкое родство, без всякой, как говорится, пощады, требуют, чтобы все, что ни выходило из-под его руки, было только отличного качества.

Вот и сейчас. У селяков некоторые диски ослибли большие, некоторые меньше, но почти все требовали регулировки. Этим братьям и занимались. Гляжу, Виктор закончил с одним диском, перешел к другому. Кинул его. Люфт совсем маленький. Покачал соседний — тоже.

— Эти диски, помалу, не стоит разбирать, — говорит Виктор. — И так сойдёт: люфт небольшой.

— Все равно разобрать, — категорически отвечает Павел. — А вдруг у них сальники плохие...

Виктор начинает разбирать диски, но все еще не сдается:

— Да и нам ли снять придется на этой селянке?

— А это неважно: взялся — делай на совесть, как самому себе...

И Виктор, если захочет, конечно, умеет делать на совесть.

Но отрываясь от работы, Павел рассказывает, что кукурузу колхоз сеет хоть и не первый год, а квадраты — что ты хочешь делать! — не получились. Но получились, да и все тут. Правда, сеял один из друзей, и Павел не успел сеять в бригаде — сеял кукурузу, чтобы те злополучные квадраты получились умнее обязательного. Решено было поручить это Виктору: ты парень ученый, тебе и карты в руки — пожалуй, чему тебя научили. И что же? Получились-таки у Виктора квадраты! Я сам был на этом поле и видел: на всей площади квадраты были идеальными. Такую кукурузу легко обрабатывать машиной без применения румпного труда. Виктор со своим смеником да Михаилом Бутровым и обработали все поля.

Видно, что Виктор наутился братьям. Он и «Воню и мир» прочитал, по его выражению, от коры до корки все четыре книги и «Тайный Дон-Кихот». Он и «Мастера и Маргарита», и «Чехова», и многих современных писателей.

Федор с Павлом читали меньше. Но зато у того же Федора суждение о книгах, вообще о литературе глубже, проникновеннее. Не дадут, как сегодня, он так сказал про художественные достоинства «Угром-реки», про красочную живопись словом ее автора:

— Читайши — и никаких картинон не надо: все и так ясно видишь... А люди какже! Одногодилющи так, что дрожишь за него, другого ненавидиши — гордо бы ему перегрьзы, будто не в книге, а в жизни их астрилы.

Федор любит заходить в самые невоинственные библиотеки: че скази о книге или как пашется историю? Павел интересует больше техника. Он мыслит как бы более приземленно, более деловито. Но зато уж твердо знает, что требуется трактору, если он вдруг встанет; покажите ему любую деталь, и он точно скажет, откуда она.

— Шпылин не лезет, — говорит Виктор, уставливаясь склеридной дисс.

— А ты подогни ушко, — уверенно, не задумываясь, советует Павел. — Ну вот, видишь, и полез.

Вскоре возвращается с поля Федор. Время — обед.

И вот опять все три брата сидят за одним столом, виднея поклонки друга на друга на столе же неподожжие. Теперь мне уже видится в них даже больше различия, чем склонности: у каждого свое биография, свой характер и свои взгляды на жизнь. А через их биографии я еще и виджу сурвый, трудный для деревян, вчерашний ее день и виджу дни нынешний, когда колхозная деревня находится на крутом подъеме, если не сказать, на взлете.

Пока бригадная струяка режет хлеб и расставляет чашки, раскладывает ложки, братья успевают посмотреть только что полученную районную газету. В газете напечатано «турнирная», как ее зовут в шутку, таблица, из которой видно, что в этом году районные команды идут впереди, какими отстав. Колхоз «Правда» не отстает, но и не самым, как говорят, первым строем его тоже нет.

— Да-а, — неопределенно тянет Виктор.

— От нас зависят, а не от кого-нибудь, — говорит Федор, короче поняла, что значит это неопределенное «да-а».

Тракторная бригада Федора Ильиника дергит переходящее звание колхоза. Это не так просто, потому что другие бригады — люди опытные, знающие. Достаточно сказать, что среди них — старший механизатор, недавний учитель и наставник Федора Иван Андреевич Марков. И Павел — тоже в той же бригаде.

Братья Ильиники сидят лицом к плечу, выложив на стол свои рабочие, темные от машинного масла руки. Руки эти — молодые, крепкие, склонные — очень внушительное зрение. Не мы ли мы, не эти мы ли вот руками, бригады и дергим переходящее звание???

Ставропольский район,
Кубышевской области.

Евгений ВИНОКОРУВ

НОВЫЕ СТИХИ

Дождь

Шла быстрая с работы,
Дождь — прямо бия и виось...
И вот промокли боты,
И вся мокра насквозь.

Пустяк — скватит простуду
От ледяной воды!
Как будто пумки всюду —
По комнате следы!

Со лба стекают капли,
И в турфях кляй размык,
А пальмы так озабыли —
Не расправить никак.

Дождь за окном грохочет,
Крупой стекло рубя,
Как будто бы он хочет
Назад вернуть тебе.

Слышишь?
Флейтист поет.
За плющом усталый
Человек смотрит пристально
В лист.
Это что!
Вот у нас был
Застенчивый малый,
Полкового оркестра флейтист!
Вспомнил флейтиста.

Как флаги, —
И в шуме привала
Звуки раздаются,
Печалин и чист.
И по дому в слезах
Полк заслонят,
Бывало.

Это был настоящий
Флейтист...

Осень

Я, горожанин,
осени не вижу:
Все суетишься, все дела, дела!
Стук кровельщика, что латает крыши,
Вдруг возвестит: я уна пришла!

Но где ж она...
Вокруг толпится зданья,
Но как-то раз в потемках почути
Ударит донь, по стенам барабана,
Как сотни барабанов на смотрю.

И ветер, как горностай, напев затянет.
Пропнувшись, долго смотрит в темноту.
Соседа в кухне за стеною ставят,
Ломая спички, заняток плиты.

Она гремит кастрюлями, зевая,
Соль ищет, чertyхахась с почтас...

Но я подиумок дальнего трамвая
Уж я въезжаю в пестрые леса.

Они стоят.
Невидимые крепи
Сдирали их за городской чертой.
В паччальном византийском благолепии,
Как терем, поражая пестротой.

И я входил в лихоний и медовый,
В малиновиной пожар, как будто в сон...

Сторонка. Пены. Каплюто садовой
Огромный ворон листьев отребре

Во всякий день смиренная осинка
Трепещет одиноко в стороне...

И охра листьев, и просветов синяка,
И тишина по сердцу были мне.

В юности

Когда-то в юности надменной
Пыталась я,
любя рискнуть,
Враз надо всем над всеменной
Объятья слабые сомнить.
Но надорвался я, чудило,
От сверхъестественных потуг.

Мания, как призрак, уходила
Моя вселенная из рук.

И загрустил я оробело,
Понуро голову склоня,
А жажды скверка и звенела,
И танцевала вокруг меня.

ПОПУТЧИКИ

Рассказ

В есой степь расположалась ко-
ричневым болотом. В сов-
хозных поселках находили а
моду желенные тросточки: через
каждые пять шагов ими скрещива-
ли грязь с резиновыми сапогами.

На проселках единственные
проектами местами становились
обочины. Кое-где даже на целине,
захлебнувшись стонущим солонцем,
буянили ветви старых грузо-
виков. Но машины пробивались и
в бригады, и на станцию, и за ле-
сти сорок километров в областной
центре.

Как-то на слот молодых специа-
листов вызвали агронома Игоря
Гурьева. Выехали в «газике» с
шофёром Генкой, простоватым бе-
лобрыжим паренком. Тот вел ма-
шину медленно, внимательно раз-
глядывая полнуючицу автодорогу и
при этом присматриваясь так
изумленно и испугано, словно
спросили: «И куда это меня по-
несло?»

Игорь сказал:

— Да покручу!

Генка согласился: пусть кругит,
он хоть и агроном, ведет здо-
рово. В Москве, когда учился, да-
же в прогулках увлекался
У Генки в соседней совхоз
«протголосовка» двое: парень и
девушка. Они стояли на обочине,
рядом с двумя немодными, ле-
жавшими на плоском валуше. Па-
рень спросил:

— На станцию?

— Ага, — ответил Генка.

Парень перенес в «газике» че-
моданы. Девушка, ловко ступив на
подставленный им слог, забра-
лась в машину, подняла ноги и
заснула. Маленькие розовые сапожки.
Выспренноясь в смотромом зер-
кальце взглянул с шофером, Игорь
выразительно подмигнул. Тот понимающе вытигли лихонью
губу: сам, мол, знаю. Тут и под-
мигивая нечего. Сразу видно, что
за девушка. Лицо тонасое, ро-
маленкий, как «черва» на картах.
На такую смотреть, и то приятно.

Игорь спросил:

— Вы же поез?

— Да, — отвечала девушка.

— В отпуск едете?

— Нет.

Генка бодро заверил:

— Вы не бойтесь. К поезду

успеем.

Машинка шла, балансируя между
разбитыми колесами, то и дело
кряхтя на бок. В задке глухо
заявляла пустая кантинка. Генка
оглядывалась скрепленной в
голову, лежащей на сапогах девушки.
Косынка на макушке на тишина
была обыкновенная, дочата в бригадах
куда юрею носят. А вот пальто хо-
рошее, вицко, сшито на заказ.

Генка предупредил:

— Вы поосторожей, а то у ме-
ни там стеганка лежит, вся в ав-
толе. Измазаться можете.

— Спасибо, ничего,— сказала
девушка.

Она сидела, почти не шевелясь,
безразлично глядя прямо перед со-
бой, и только ее тонкие пальцы на
спинке переднего сиденья никак
не могли успокоиться.

— Кофточку забыла, — сказала
она.

— Где? — спросил парень.
— На спинке кролаты.

— Вернемся? — быстро предло-
жила он.

— Не надо. Отдай кому кому-нибудь.
Зина. Уж я-то, во всяком случае,
относилась ко мне хорошо.
Парень, расстегнув ватник, су-
нил руку во внутренний карман.
Достал брезентовую рукавицу, по-
том засунул книжку, наконец,
затянула очки, подмыла на них,
затем и соня спрятал. Потом
спросил:

— Заявление легко подписать?
Девушка усмехнулась:
— А что ему оставалось делать?
Я сказала все, что думал. Я хоте-
ла работать — иначе бы сюда не
приехала. Но не в таких условиях.
В конце концов, я врач, а не
фельдшер.

Девушка поселок третьей
бритицы: вицневые, одни к одино-
чные домики, все под красной чере-
пичкой. Сюда Генка на прошлой
неделе, перевед младоженцов с
Центральной усыльды. Хорошую
комнату дали, в два окна, кухня
есть. Он женился — такую же да-
дуть. Генка постаралась представить
себя семьюной жизнью. Получа-
лось туманно. А Черт ее знает,
какая я есть! Правда, я же
здесь родилась, здесь это! Погнула и
заснула. С такой, пожалуй,
пока слово скажешь, пять раз
про себя повторяю. Ну ее к боку
в рай! Он глянул на девушку и
неожиданно для себя выпалил:

— А я вас помню. Я вашу фот-
карточку в газете видел на
Восьмое марта. Сильная карточка!

Девушка покалала плечами.

— Я тут абсолютно ни при чем.
Правда, фотограф помадился
молодой недоработкой.

Стрелка спандистра дрожала
глазе-то около тридцати. Трудные
места «газика» проходил на второй
скорости. Тогда Генка, хоть ба-
ринка была в чужих руках, по
привычке настягивала всем телом,
словно помогая машине. Вдруг он
заметил, что Игорь все время мол-
чит. С чего бы? Чтобы Игорь мол-
чал, да еще с такой личинкой!
Правда, заподозрил на Центральной;
кося на вечерках объяснял номе-
ра, бухгалтер, и тот с хохоту да-
вил.

Генка негромко предложил:

— Может, через вторую brigadi
поедем: там воде поровнее? А то
сады, небось, грясет.

Игорь ответил:

— Ни черта!

Генка испуганно обернулся: не слышала ли девушка? Но та сидела по-прежнему спокойно, равнодушная ко всему. Лицо от резкого тряски недовольно кривился ее маленький рот — «чёрез».

Вздох провожавший ее парень сказал:

— Вообще-то зря ты, Лиски! Помдумашь, из-за трех фраз Кого у нас не ругают?! Директор, и на том два выговора.

Девушка испытала:

— Неужели ты думаешь, что я из-за этого? Я слишком себя уважаю, чтобы реагировать на нотации рабочего комитета. Начните спорить, я буду учить чистоте! Мне просто противно!

Она перебралась плащами, откинулась на спинку сиденья и взору оглядела загороду, быстро и зло:

— Ты помнишь, как он был?

— Да брось ты о нем! — тихо попросила парень.

— Нет, ты помнишь, как он был? На цыпочках, как беларусь. Сапожки испачкала всякая. А мы в этой машины сидели.

— Брось, Лиски! — сказала девушка. Ну что поделаешь? Пока дороги не пройдем, так и будет грязь.

— Так вот, надо было сначала построить приличные дороги, а потом посыпать людей.

— Кому-то надо сейчас тут работать? — взорвался парень.

— Кому-то надо, вот пусть кто-то и работает!

Парень вздохнул и отвернулся к окну, девушка — к своему. Машина хороша уже тем, что в ней маюко акции: за всех хватят. Скучно — гляди в окно. Говорить неохота — гляди в окно. Молчание не будет неловким.

Но для него же однозначно! Сталь да стекло — и не белая, а коричневая. Другое дело лето, когда машина сияет на ней золотые пленки, трепещет зеркало с бортами самолетов...

Девушка спросила:

— Скоро станица?

Генка ответил:

— Да не. Километров пятнадцать. Может, восемнадцать.

Девушка раскрыла чемодан, поясняла, достала туфельки, поставила их на колени и украдкой ликовала, что машина забыла. Но тут Игорь, разом сбросив машину через ухаб, и туфли полетели на пол. Парень быстро наступил на них, и, что странно, не сколько секунду человек и бережно держал в руках ее маленькую ногу.

Девушка с досадой сказала:

— Здесь такая грязь!

Он наклонил отмысел туфельки. Она их осмотрела со всех сторон, пододула, осторожно потрогала о постель пальцами и прибралась, нога об ногу, снимая ремешки с сапожек. Парень встал на колени, помог ей и, что-то спрашивая с пухла, не сколько секунду человек и бережно держал в руках ее маленькую ногу.

Девушка нетерпеливо сказала:

— Все? Спасибо, Гриша.

Он села боком, подогнула ноги. Тогда парень сказал уже совсем беззадуманным тоном:

— Хоть бы до осени осталась, пока нового врача приносят.

Гриша, давай сядем под деревом!

Она уже надела туфельки.

На встречу попала полуторка. Водитель ее, седой и тощий, помахав рукой, остановил машину. Подойдя, завел обычный шиферский разговор: как дорога, не размыло ли профиль, починали ли мостки через овраг...

— Наша полуторка, — сказал па-

рень. — За частями в город гоняли.

Девушка немного подумала и твердо сказала:

— Гриша, ты вернешься с этой машиной: так убоец.

Парнику тела на поезд, тогда и вернешься — склека побледнея, развел парень. — Куда ты там с чесноками?

— Мне помогут ребята. Правда, мальчики?

— Запросто поможем, — с готовностью подхватил Генка.

Парень заурчался. Тогда девушка сказала холодно и властно:

— Я так хочу.

Он вылез из машины и сразу же шипящими прорвалась в коричневое месиво. Но он не остановился и при следующем шаге попал в колесо. Грязь с чакванием хлынула за голенище. Генка даже охнул от посыпи. Жалко малого! Худо теперь придется: сюзок у них новый, даже сущинки толкновой нет...

Вздох, парень и сам понял, что лучше всего ему можно сесть в кабину полуторки, но не вылез из машины, оставил ее, остановившись, сплевнувшись:

— Ты напишешь?

Девушка покляла плачами:

— Если будут новости.

Всегда здорово берет Игорь с места! Генка даже позавидовал. Главное, чисто, будто не вылез из машины, а ладони лежат на акселераторе... Но ехали недолго. На пригорке, где посущу, Игорь заглушил мотор.

Генка спросил:

— Ты чего?

Игорь повернулся боком и, глядя на девушку, какими-то чужими, противными голосом не спеша проговорил:

— Так, деньги на боку.

Каже деньги? — спросила девушка: она не столько испугалась, сколько удивилась.

— Какие? — переспросил Игорь и, обернувшись к Генке, ехидно усмехнулся. — Иши ты! Привыкли кататься за чужой счет.

— Я же, кажется, еще ничего не сказала, — вспомнила девушка.

— Каже деньги? — спросила девушка: она не столько испугалась, сколько удивилась.

— Какие? — переспросил Игорь и, обернувшись к Генке, ехидно усмехнулся. — Иши ты! Привыкли кататься за чужой счет.

— Я же, кажется, еще ничего не сказала, — вспомнила девушка.

— Каже деньги? — спросила девушка: она не столько испугалась, сколько удивилась.

— Какие? — переспросил Игорь и, обернувшись к Генке, ехидно усмехнулся. — Иши ты! Привыкли кататься за чужой счет.

— Сколько вам надо? — холодно спросила девушка.

— А у нас цена известная — полторы тысячи.

Пятьдесят рублей за двадцать километров? Всем меня, очевидно, дурной считаете?

— Кем я вас считаю, — это другой разговор.

Игорь повел ладонью, словно что-то отодвинул в сторону. Девушка посмотрела назад. Дорога была пустынна, следы «газика» в зинзине уже затянуто грязью. Девушка немного подумала и пристроилась сидеть.

Хорошо, я вам заплачу на станции.

— А мы словом не верим.

— Удивляйтесь, как вы упустили случай сдобрить деньги с моего спутника! Или за него тоже я должна платить?

— Зачем? С ним расчет другой: он малый честный.

Генка дернул Игоря за руку, но тот, как бешеный, вырвал руку. Девушка помолчала немного,

Рисунок Ю. Ракутиной

понимающе качнула головой и усмехнулась.

— Ах, вот оно что! Теперь мне, кажется, понятно. Можете передать своему честному малому, что таким путем он не добьется ничего. Впрочем, я ему благодарна: я буду лучше разбираться в людях.

— Это почему тако? — понимающе спросился Игорь.

И вдруг, скривив зубами, пригнулся к баранке и так развел машину с места, что девушка испугалась: ехало полегче к черту шестидесяти!

«Газик» мчался через колодибны. Грязь щумно развалась из-под колес. Игорь так глядел на дорогу, словно ронял ее взором. Видя же он крутил, как на мотоцикле. Одни раз Генка оглянулся на девушку. Она удивленно всмотрелась в машину, морща от боли когда чмодан ударила ее по ногам. Лицо у нее было жалкое и злое.

Весь станица Игорь резко затормозил. «Газик», извзвинувши машины, остановился. Генку бросило на перекладину, сзади тяжело ухнули о пол чмоданы.

Игорь рыком открыл дверцу, поставил чмоданы на кирпичный, склонив голову, тяжелый тяжелый и, в упор глаза на девушку, четко, с расслабленной проговорил:

— Я ему скажу, чтобы он никогда больше не связывался с та-кими.

— Хулиган, — без всякого выражения выговорила девушка.

Он ответил еще короче и оскорбительней.

Потом уже на плоскости перед развязкой Генка спросил:

— Зачем ты с ней так?

— А с такими начи не разговариваю!

— Ну, это уж ты зрай! — возразил Генка. — Чо-что, а она радиочочка. Разве можно так?

— А с ним так можно? — сказал Игорь. — А на съезде в такую грязь бежать можно? Заболеет кто, на вертолете врача везти?

— Ну, и надо было все объяснять тебе, думашки, думашки, чмо-нибуль поиздя?

Игорь глянул на него почти с ненавистью:

— Дурак! «Поняла...» Да она в тысячу раз лучше тебя по-нимает!

Больше Генка не спорил, сидел тихо и никак не мог понять: что это нашло на Игоря? Кричит, ругается. Всегда вежливый, да и вообще парень культурный: институт у окончил...

Зайд в технической отрасли, конструктор Василий Кишечкин еще недавно увидел знакомую фигуру комсомола завода, полу- скрытой широкой чертежной доской.

— Серёж! Выльда — на минуту!
Сергей Красников пронесся в узкий коридор, на ходу натягивая пиджак.

— Есть идея! — негромко проговорил Василий. — Помнишь, что говорил на совещании директор? О создании новых систем? Я многое об этом думал, и пришло в голову такая мысль: а что, если в конденсаторе вместо обычного масла применить солов'! — Кишечкин вытащил из кармана смятую листик папирос и быстро набросал на него карандашную колонку цифр. Во-первых, мощность конденсатора увеличится в два в лишним раза. Но не это главное. Консюс «фи» взрастет процентов на тридцать! Собираешься?

— Собираюсь, Вася! — вздохнуло заявление Сергея. — Приходи вечером на комитет. Там обо всем и потолкуем.

Заседание комитета комсомола проходило бурно.

— Все рассчитано! — горячо доказывал Василий. — Применение слова позволяет вдвое увеличить мощность конденсатора. Потом не плохо было бы поставить алюминиевую фольгу вместо омедненной, а количество свинец в конденсаторе свести к минимуму. Бумагу нужно заменить обязательно.

— Гладко было на бумаге, — прервала Василия техник Нина Смирнова. — Где, интересно, ты возьмешь сырье?

— Не придирайся, Нина! Уж чего-чего, а слово достанет!

— Дед-мороз принесет на коробке!

— Да вы просто не знаете меня понятны! — воскликнул Сергей. — Верите ли вы в то, что наши химические заводы. Напишем туда письмо, объясним комсомольцам, для чего они нам нужны. Я уверен: слово будет! В два месяца сделаем конденсатор.

Инженер Ефим Гинзбург и трое других членов комитета недоверчиво глядели на своего товарища.

— Чудак! За два месяца мы не успеем привести в порядок производство!

— Успеем! — начинял затьсяки Кишечкин. — Вам помогут и в лаборатории и в экспериментальном цехе. Вот химик Нинель Никонова сделает анализы, а Борис Щеглов пропустит наш заказ без задержки. И вообще я предлагаю создать специальную творческую brigadu... — Увидев улыбки на лицах товарищей, Василий на мгновение смолк, а потом снова заговорил с жаром! — Напрасно улыбаетесь! Нас здесь две десятка специалистов. Все мы готовы помочь друг другу! Наш даже чужие люди помогут. Это же для нашего народа!..

Тут в спор вмешалась Сергей Красников.

— Мне кажется, ребята, пожалуй, Василий

А. МИЛЬЧАКОВ

«АИФЕРДИКС»

Вы, наверное, обратите внимание, что в письме ЦК КПСС «О рациональном использовании электрической энергии в народном хозяйстве» упомянута одна из важнейших характеристик мощности в энергосистемах страны только на 0,01 момент енодня дают экономию в 1000 кВт·ч. А в последние годы на опытных установках за счет постоянного вакуумирования реактивной энергии и превращения ее в активную, называются в технике конденсаторы.

Что же представляет собой этот блогательный элемент энергосистем?

В электротехнике коэффициент мощности промышленных электротрансформаторов условно обозначают, исходя из «дела», то есть, что эти машины, подключенные по схемам, состоят из активной, идущей на совершение полезной работы, и реактивной, которая расходуется совершенно бесполезно. Отношение активной к энергетической мощности

и полной и определяет величину коэффициента «фи», иначе говоря, коэффициент мощности промышленных энергосистем. Приборы, которые позволяют повысить коэффициент мощности установок за счет постоянного вакуумирования реактивной энергии и превращения ее в активную, называются в технике конденсаторами.

Отличалась на историческом письме ЦК КПСС «Аифердикс» серпуховского завода «Борис Щеглов» вакуумным конденсатором, повышенной мощности. Замечательный прибор позволяет уменьшить потребление энергии на опытных установках на тридцать процентов. А это означает, что страна получит дополнительные в миллионы сбереженных киловатт-часов...

прав. Мы сумеем создать новый конденсатор. Давайте поможем, как лучше организовать работу.

Красников настороженно не вступал до этого в дискуссию. Конечно, он мог бы и сам убедить членов комитета в правильности предложения и сделал бы это спокойнее и, вероятно, быстрее. Но ему важно было, чтобы и Кишечкин и другие ребята глубоко осознали всю важность затеваемого дела. Секретарь комитета химического завода начал пристально следить за выражением лица каждого. И вдруг... спинной лягушка загоралась и так же легко остыла. Теперь же, после бурного обсуждения на заседании, Кишечкин уже не мог отступить. Он взялся за выполнение нового комсомольского поручения со всей страстью, на какую только был способен.

Сразу же нашлись несколько энтузиастов, которые объединились в инициативную группу. Кроме Кишечкина, сюда вошли инженеры Ария Никитина, Ефим Гинзбург, техник Нина Смирнова.

Группа гордо взялась за дело. Написали коллективное письмо на один из химических

заводов. Оттуда вскоре пришла первая паровая машина. Тогда ссыпалась на цепь изолированной фабрики и получила своеобразную бумагу — диэлектрик. По вечерам долго занимались в лаборатории, монтируя серебристо-желтые секции, похожие на пчелиные соты. Ряды секций росли с каждым днем.

В эти дни небольшая подвижная фигура Вася видели в разных цехах и отдала завода. Повсюду слышали его голос. Задыхаясь, с взволнованными волосами, врывался он в комитет комсомола и взывал о помощи:

— Безобразие! Снабженцы опять задерживают материя!

Потом он появлялся в столовой. Глядя на мирно обедавших работников отдела снабжения, Василий ходил говорить:

— Снабженцы, Родители, женщины, дети! Неплохо. А вот Фаредай говорит: если каждую минуту ваши сердце, мозг, руки не заняты творческой работой, не создают что-то новое... у вас жалкое existence!

Присяжные снабженцы поспешно распахивали.

Кишечкин сам монтировал корпус для конденсатора, бось доверял его слесарям. Он часами проставлял за токарным станком, вытаскивая детали корпуса, покожего на коробку из-под бульонных кубиков, увеличенную в сотни раз. Он аккуратно отпритирал его маслом. Инструменты остались в бережке: стерженьки, которыми торчали скрепы и заканчивались проводами, представлялись ему почему-то электрическими нервами.

Беда пришла неожиданно. Когда начали сплавлять диэлектрические секции, оказалось, что слово разрушает канифоль. Прибор разваливался на глазах. Никакой другой заменитель не был известен, ведь обычное конденсаторное масло, которое употреблялось в юношестве, не разрушало канифоль.

— Вася, придумал что-нибудь! — растерянно спросил Нина Смирнова.

— Я же тиху! — сокрушился Василий. — Можем, ты, Ефим! — И он с надеждой смотрел на Гинзбурга.

Тот покинул плачами.

— Нужно посоветоваться с кем-нибудь из ученых, — сказала Нина. — А еще лучше привлечь к нам на завод.

Ее перебили:

— Идеальный Кто будет платить за это?

— Не платят они сразу!

— Поедут! — решительно сказал Вася. — Вот посмотрите. Если хотите, человеку еще и лестно будет; не кто-нибудь, а целий завод приглашает! А насчет платы вы зря. Разве

— А нельзя ли уменьшить вес конденсатора? — спрашивал Василий Кишечкин рабочего экспериментального цеха Алексея Волынского.

Фото Г. Дубинского

САМИ СПРАВИМСЯ!

Жил-был парень. Учился, работал, потом служил в флоте, а когда вернулся из Москвы, стал кочевником. Знадеялся на свою любовь и любовь — и любовные песни, свои надежды и мечты. Как и все, он ухаживал за девушкими, приглашал их в кино. Только на заводе об этом ничего не знали. Но когда однажды он сказал, что женится, все обрадовались.

— Счастья тебе, да побольше! — басили скучные на слова кочегары. — Ты у нас парень настоящий!

Почему они так решили? Ведь ничего особенного он не делал: просто хорошо работал, Но и это умеют ценивать рабочие. Надо доказать, что он всегда соглашается, в праздник — нахмурится, но спорты не станет. Надо заменить товарища — заменит, отработать лишние часы — отработает и слова не скажет.

И когда однажды парень совершил подвиг, все говорили:

— А инцест и быть не могло!

Подвиг — это не обязательно вынесенный из горящего дома ребенок или спасенный утопающим. Подвиг — это то, что ты делаешь по долгу боязни схватки один на один с вооруженным бандитом. Бывают подвиги скромные, на первый взгляд незаметные, о которых х八卦 нечего думать, но они тоже требуют мужества, смелости и самопожертвования!

...В морозную ветреную ночь неожиданно прекратились подачи газа. Завод угрожал авария. Прежде чем растопить котлы, нужно было немедленно очистить подземные эрозоходы, поставить там новые трубы и вернуться в городок. Под землю парень пошел к концу, когда потребовалась дополнительная инструменты. И тогда в трубе остался один — тот самый «стоящий парень». С трудом разгибая замерзшие пальцы, он работал, не останавливаясь, выгадывая секунды, зная, что вот-вот должны затопить котлы.

И вдруг ему показалось, будто что-то тяжелое сдавило горло, мокрой ватой скотчом уши, ослепило глаза, газовая сковородка чешуеками и бровями с холода жгет. Когда его вытащили из-под земли, он был сознания.

Доска почета — это заводская летопись, скучная рассказка о людях, которые идут впереди. Рабочие смотрели на приветливое, доброе лицо Захара Максутова, добирательно улыбаясь и, наверно, думали: «Молодец!

А ведь с виду тихий...»

Но пришел день, когда удивил и обидел товарищ Захар. Пусть это звучало слу́чайностью, ошибкой, но факт — это факт: «стоящий парень» стал зором.

«Люди люди идут в разные стороны, и некогда было чай что порой ленинца проследить, куда пошли товарищи. Раньше Захар всегда спешил к жене, к маленькой дочке. Так было до тех пор, пока не появился на его пути грязноватые людишки. Может, где-то он видел, может, когда-то с ними говорил; вот только где и когда, не помнит. Но у них память, как видно, оказавшаяся лучше. Принесли одну вечеринку, другим народом обсыпали, что-то было, и Захар, конечно, был подменой. Захар погнулся «согреться», и сразу стало удручающим чужие люди. Встретились раз, другой, третий... Птицы щедро угощали и ничего не просили взамен. Но лянья «дружка» требует своих доказательств. Захар это знал. Кто-то утром они выпили в магазине и договорились встретиться вечером еще раз. Весь рабочий день в одурманенном алкогольем голове Захара теснились мысли: где достать деньги, чтобы как следует напоить «приятелей» и уж больше никогда с ними не встречаться? Денег не было, но зато на заводе имелся чистый спирт. В другом вре-

ме за такие мысли он бы сам себя отхлестал по щекам, но пыльное море по колено...

Максутов сорвал с дверей склада пломбу, но не успел вынести бидон: окраина подступила к зверю. Окваченный ухом, Захар тут же протрезвился... На следующее утро на доске почты появилось белое пятно, а в деле № 256 — первые показания подследственного Максутова.

Никто на заводе не мог поверить, что чудесный парень, парень герой, оказался обычным...

Месец шел следствие, и месяц Максутов отрицал свою вину. Не трусость великого жулика, не изворотливость опытного рецидивиста заставляли его лгать. Да, он боялся, потеряя свободу, но совсем не ту, которая нужна преступнику. Для него свобода — это когда моряки всего мира крепко жмут свою руку, потому что на Советской стране; это когда моряки неровными шагами приближаются к берегу, потому что на берегу приемную и медицинскую помощь ждет первая крик: «Вот еще неизвестного ребенка! свобода — когда встречаешь в проходной товарищ из моря, и моря докуривая папиросу, идешь рядом с ними в цех. И теперь горько было сознавать, что все это он мог потерять лишь потому, что хотел наполнить жаждущую стакан присягой». И он упорно, даже не пытаясь ничего доказывать, повторял: «Не брал, не виноват, отпустите». Даже тогда, когда в большой, просторной столовой собирались на суд, чтобы не весть завод, он угрюмо отвечал всем вопросам.

Вездесущие зори смотрели на него, на вину. Но Большинство из них были показательные процессы, на которых все решал суд без вмешательства коллегии. Теперь на таких процессах появлялись новые обвинители и новые защитники — товарищи. Захара не жалели, не утешали. Его судили гневно и справедливо. Но синхронность к преступнику просила у суда общественный обвинитель главный механик Малинин, а доверия к коллективу, который решил попробовать на себе экспериментальный цех, — прокурор.

Судебное заседание началось с приветствия, исправления и пересоприимствования.

Он поклонился у нас, на нашем заводе, и мы обязаны поднять его на ноги. Разве на фронте мы не вырвали, не спасли друг друга?

Так неужели сейчас не сумеют отстать парня для хорошей, честной жизни, не сумеют отгородить его от паразитов и вернуть в свою рабочую семью? И еще не известно, что дает лучшие результаты: наказание или доверие...

Что случилось небывалое? то, что не смог доказать следователь, добился коллектива.

Заседание ушло подководно к концу, когда, сгущаясь, сплюнувшись, яростно опустив руки, вдрогнулся со своего места Захар.

— Виноват, — проговорил он. — Только я исправлюсь, не подведу...

Это было лучшим признанием силы коллектива, который действительно способен делать чудеса. И судья поверил, отдал Максутова на поруки товарищам.

Но борьба за человека, за его доброе имя тоже продолжалась. Коллектив — строгий, но юный воспитатель. Он и накажет, но он и поможет. Синяка Максутов хмурился, избегал разговоров. Молча приходил на завод, работал как одержимый, но сразу после гудка убегал. Видно, боялся, что начнут читать нотации, требовать раскаяния, громкие клатчи.

Ничего этого не было. Сначала к нему подошли на час, говорили редко и как бы о пустяках. Как-то вечером, наедине, чай бригадир Князев рассказал лучшему человеку о новом оборудовании. Нередко его приводили домой ребята из той же brigadi.

Они его не жалели, не давали ему советы — просто хотели знать, чем живет, о чем думает теперь парень. Относился к нему по-прежнему, как будто ничего не случилось. Пору-

чили самые сложные и ответственные задания. Он все делал, делал с удовольствием и в душе, видно, благодаря товарищей, что они никогда не напоминают ему о прошлом.

Как-то случилось, что главный механик дал ему прочитать новую книжку по котельному делу. Захар поблагодарил, но читать не стал, вернулся нераскрытым.

— Сколько времени или непонятно? Да ты не сидишься. Синий пальто, часы посыди, я тебе все объясню.

— Но Захар насторожился.

— «Видно, не может забыть, как я стыдил его перед всем заводом... — думал механик. — Впрочем, отгорчаться рано. Этот парень еще вернется».

И действительно, через несколько дней Захар сам пришел в тесный, прокуренный кабинет Малинина.

— Я прихожу, вашу библиотеку посмотреть! — тихо спросил он, будто стыдясь своего неожиданного визита. — Ребята говорят, полезные книжки механики собрали...

Прошло немало времени, и Захар, уже не стесняясь,шел на консультацию к главному механику, и тот всегда, даже в самые напряженные часы, находил для него свободное время. Ни забывал Максутова и начальник цеха. Заметив пристрастие Захара ко всяческим техническим наукам, он говорил: «Поступи на курсы повышенной квалификации. Тот скандал уполбался, но однажды все-таки прошел на занятия и... остался».

А совсем недавно его выбрали профоргом. — Смеется... — неожиданно разразился Захар, — преступника рабочими вожаком назначают! Нечего издавать!

— Ты преступником никогда не был, — в свою очередь, обозлился кочегары. — Запомни это, а иначе стать бы тебе нашим связанным. Словом, — это точно. Но лежачего не бьют, — курицы помоятся весть.

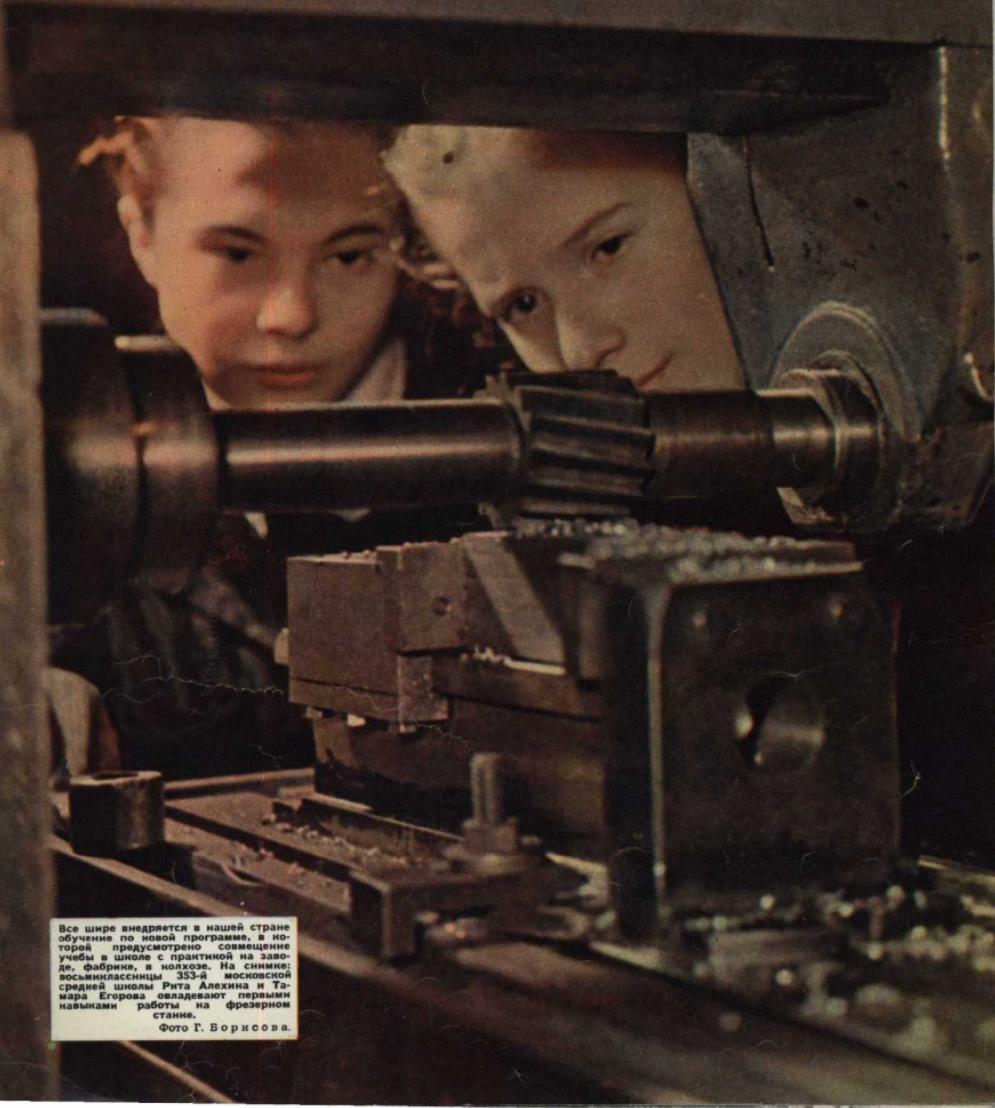
Теперь Захар часто приходит в заложник, постоянно что-то требует, отстаивает, проводит со своими коллегами читки газет, обсуждение новых фильмов. И никого это не удивляет. Так оно и должно быть. Товарищи противули ему руку помощи, и рука эта оказалась на редкость крепкой. И что самое интересное, на заводе стало куда меньше прокуроров: исчезли случаи появления на работе в нетрезвом виде. И если это потому, что люди почувствовали в себе силу, способную заглянуть в лицо, от которого никого не денечется. Трудно сказать, сколько удержал от нехороших дел открытым суд над Максутовым. Никто из мелких нарушителей тогда не выступил и обещал никаких не давал. Но, видно, где-то глубоко в сознании зародилась мысль, что, отвечая за Максутова, они прежде всего отвечают за себя.

Прежде мы слишком часто расписывались в сию бессоницу, с радостью отдавая нарушителям общественного порядка в карательные органы. Сколько раз обращали к кому-то невидимому, возмущенно повторяли: пора за них взглянуть, привезти к порядку, поставить на место! К кому мы обращали эти гневные возгласы? Ни кому! Но где надеялись? Сказывалась плохая привычка думать, что порядок обеспечивают только государственные органы, а что наше дело (и лучше) — это сообщить о нарушении, а там — будет разобраться.

Но сейчас мы изменились: стали тверже и самостоятельней, смелей и непримиримей. Высокий гуманизм нашего общества требует не только наказаний, но и помощи. Кому же, как не коллегам, оказывать эту помощь тому, кто случайно поскользнулся, но теперь одумался и бесповоротно решил стать честным человеком!

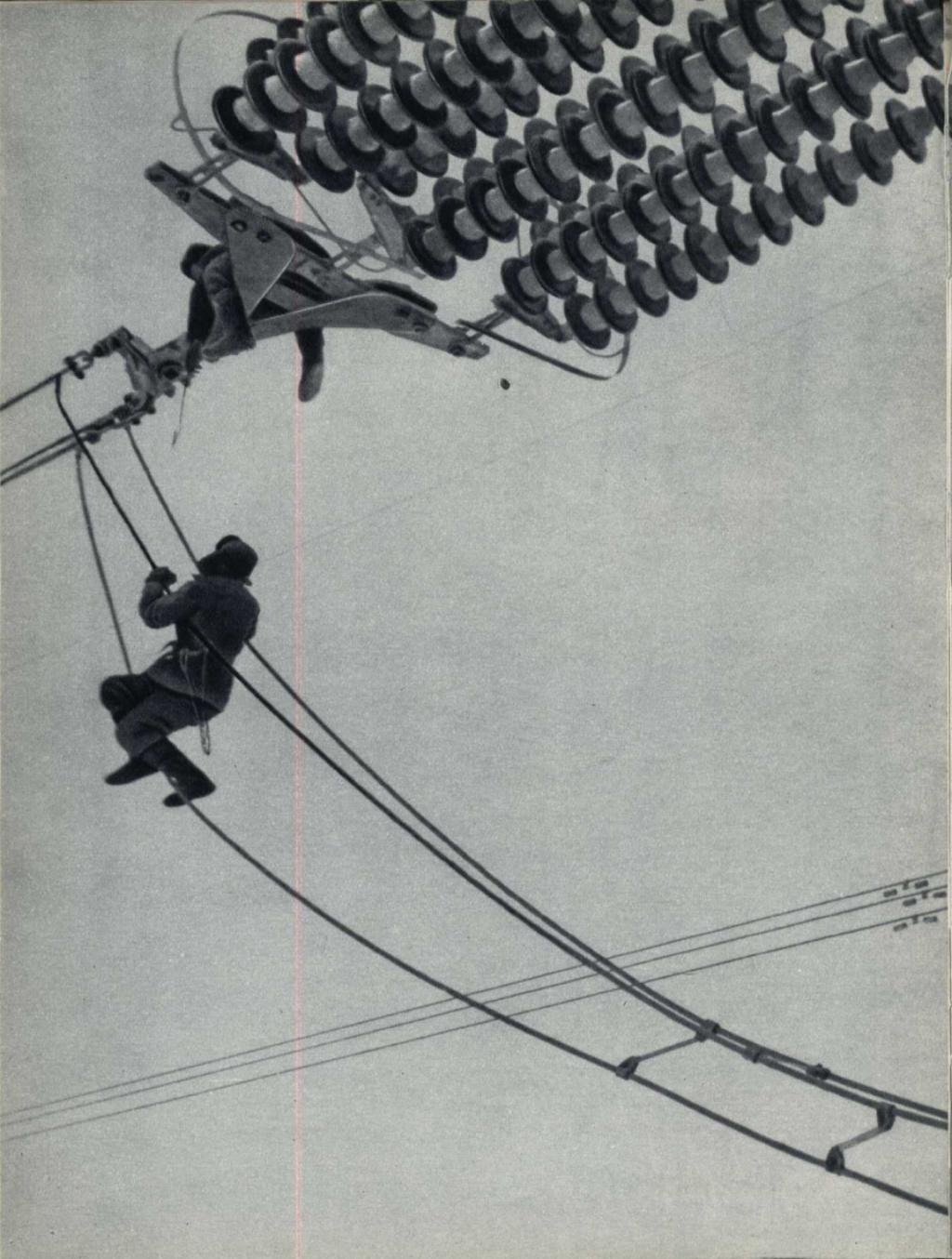
Это трудно, но это и почетно.

Алла ГЕРБЕР

Все шире внедряется в нашей стране обучение по новой программе, в которой предусмотрены совместные учёбы в теории с практикой на заводе, фабрике, в колхозе. На снимке: восемнадцати летней московской сиротинки-подростка Алена и 17-летнюю Егорову овладевают первыми навыками работы на фрезерном станке.

Фото Г. Борисова.

ВЕРХОЛАЗЫ ИДУТ НАД ЗЕМЛЕЙ...

Текст и фото В. Сакка.

Засыпанные снегом машины крутились метель. Снег был в лобовое стекло, а ветер гудел так, что заглушал шум мотора. Уже больше часа наш экипаж, зарываясь в сугробы, пробивался вдоль линии высоковольтной передачи. Мы тополились на берег реки, где были последние монтажные работы.

Почти совсем рассвело. В сплошном снежном месиве тяжливо уходящие ядра опоры. Они выстроились в ряд от Сталинграда до Москвы, неся на себе тяжелые провода с гирляндами изоляторов. Трудно представить себе, как тяжело работали рабочие при погодных условиях строительства. Под фундаменты опор уложены сотни тысяч кубометров бетона, протянуто десять тысяч километров проводов, по которым прошли верхолазы...

Вскоре показались очертания семидесятиметровой опоры последней, за нею — стена. На Окте, самой высокой белое покрывало, на головокружительной высоте или люди. Они шли вперед, навстречу ветру —

ру — шли по проводам. Тонкие линии проводов скрывала снежная пелена. Казалось, люди идут по воздуху...

Их было четверо: бригадир монтажников Валентин Лупов, его товарищи Геннадий Бочеников, Алексей Мытарев и Анатолий Лютков. За их плечами висели лыжи. Куйбышев — Москва. Куйбышев — Кинель, Кинель — Бугульма. Они прошли по проводам пятьсот километров!

Трудно работать на высоте, когда мороз обнажает лицо, а ветер пытается сбрасыть человека вниз. Но могут ли мороз и ветер остановить бригаду смелых? И вот они упорши вперед... Останься заезд последним десятком метров, поставлены последние распорки на переходе через Оку.

Электромагистраль. Сталинградская ГЭС — Москва готов!

В окнах электрической энергии засияла одна арка, самая крупная, самая мощная — на полмиллиона вольт, — созданная руками советского человека!

Завершена большая, трудная работа. Сдана в эксплуатацию крупнейшая в мире электромагистраль Сталинградской ГЭС — Москва. На снимке: лучшие строители высоковольтной линии — верхолазы Алексей Мытарев, Валентин Лупов, Геннадий Бочеников и Анатолий Лютков.

ДЕВЯТЫЙ, РАБОЧИЙ

Год назад по инициативе комсомольцев в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина был создан девятый факультет, рабочий. Задача формулировалась просто: готовить рабочих к поступлению в вуз.

У студентов-энтузиастов сразу же появилась уйма плотов. Надо

«Все ли ясно?» — спрашивала Нина Зубова, объясняя своим ученикам решение трудной задачи по алгебре.

Фото автора.

было разработать программы, составить расписание, скомплектовать группы. Самым трудным оказалось отобрать преподавателей. Студентов, изъявивших желание работать, было больше, чем самки слушателей. И вот пустовавшие во вечерах комнаты заполнили рабочаковцы — сто двадцать семь человек.

Пришли сюда юноши и девушки, окончившие школу год — два назад, или даже позже. Рабочие-бочечные, которые не заглядывали в школьные учебники по меньшей мере десяток лет. То, что однин казалось азами, для других были почти непредодолимыми преградами. Рабочаковцы стали рабочими. Но это же юноши минувшего года, факультет окончил семьдесят человек. Было решено увеличить число преподавателей и ввести дневные занятия для работающих в ночную смену.

Начался новый учебный год, и снова аудитории института заполнились рабочаковцами.

Идет урок математики. Преподаватель Нина Зубова, студентка третьего историко-математического факультета, спокойно спрашивает: как и обычно, на доске минуту раньше, чтобы еще раз просмотреть конспект. Конечно, никто из ее учеников-рабочаковцев не знает, что утром Нина отдала подруге свой билет в театр. Для

НИны рабфак важнее всего. Она придет к своим ученикам и в дни зачетных сессий, а если надо, и во время каникул. Она хорошо знает каждого из своих учеников, в том числе и новозанесенных успешных рабочих. Вот Станислав Розанов, новосибирский темноволосый паренек. Два года назад он окончил десятый класс и пришел на шахтотяжмашкомбинат «Красная Роза». Он работает химиком-лаборантом — следит за технологическим режимом в красильном цехе. Станислав мечтает поступить на вечернее отделение Института токарной химической технологии.

Людя Годованова работает воспитательницей детского сада, меетает о педагогическом институте. Она стремится во что бы то ни стало усвоить математику на «отлично», хотя предмет давается ей с трудом.

Зоя Белоцерковская — контроллер с завода «Каучук». Она решила поступить в технический вуз. Зоя не нуждается в такой «особой опеке», как Люда: и тригонометрию, и геометрию, и алгебру она знает хорошо.

Нина смотрит на склоненные головы и задумывается. Великая сила — жажды знаний! Тысячи простых рабочих заполняют учебные аудитории, садятся за парты, берут в руки перо, тетрадь, книгу. Никита Сергеевич Хрушев говорил на иностранных языках, что при коммунизме рядом с одним рабочим будет работать десять инженеров. Это не просто автотранспорт и сплошная мазовицкая. Чудесная техника наполнила цеха заводов. Рабочий хочет быть готовым управлять этой техникой. Он хочет получить знания инженера. Вот почему миллионы идут учиться.

Нина подходит к Станиславу и тихо спрашивает:

— Ну как, получается?

Розанов поднимает голову и улыбается:

— Получится. Обязательно.

В. ДУБИНСКИЙ

Личная семилетка

Виктора Урбановича

Производство Виктора Урбановича — это любовь с детства. Школьником он занимался в технических кружках, а в свободное время всегда что-нибудь мастерил. Но когда четыре года назад Виктор пришел в литеиног-штамповочный цех киевского завода «Арсенал», он все же не помышлял стать рационализатором. На первых порах приходилось думать лишь о том, как лучше спрятаться от обязанностями конструктора.

Однажды цех, где работал Виктор, получил заказ: изготовить большую партию новых деталей. Они были длинные и поэтому неудобны для обработки. Рабочие считали, что их вообще невозможно изготовить на обычном стапеле. Тогда-то Виктор и сконструировал штамп, с помощью которого цех быстро выполнил заказ.

Вскоре Урбанович вместе с товарищами предложил заменить в одной из серийных деталей латунную головку на иную — силуминовую, которая чуть ли не в два с половиной раза легче латунной и стоит столько же. Результаты испытаний оказались положительными.

Сейчас на счету Виктора более тридцати рационализаторских предложений, экономивших заводу более ста тысяч рублей.

Полгода назад товарищи по работе выбрали Виктора ответственным исполнителем цеха по рационализации. Теперь молодой новатор не только внедряет свои новшества, но и руководиттворческой работой большого коллектива рационализаторов, помогая им словом и делом.

По почину знатного киевского токара-новатора В. Семинского конструктор Урбанович обнялся подать за семилетку стю рационализаторских предложений с общим экономическим эффектом в четверть миллиона рублей. Первые 15 предложений уже внедрены в производство.

Ю. ЯЧЕЙКИН,

член заводского комитета ЛКСМУ

Перед началом занятий бетонщик Александр Федоров помогает своим товарищам решить задачу по физике.

Фото автора.

Студентку 4-го курса историко-филологического факультета Надежду Маркову называют «администратором» рабочего факультета. Из числа студентов выбраны также руководители гуманитарного, тек-

нического и биологического отделений.

«Труд + знания» — этот лозунг стал боевым девизом комсомольцев-сибиряков.

Вит. ГОЛОВАНОВ

НАШ ЧЕХОВ

Сто лет назад родился Антон Павлович Чехов.

Когда думешь о том, что великий писатель, невольно представивший русскую природу во всей ее неизъяснимой привлекательности: тихую заводь, речку с золотыми песчаными берегами, колючую ветку, покрытую изящущимися инузами, березовую рощу, глубокое голубое небо с медленно пылающими пуховыми облаками. Всем своим творчеством Чехов безмерен близок русскому народу, русской природе и русскому характеру. В этом сила его таланта, основа его немеркнущего обаяния.

Каждая строчка Чехова — бриллиант, не подделка, все правдива, все чисто.

Но только наши отцы и мы сами, а и наши дети и孙们 читают и будут перечитывать Чехова. Он навсегда останется любым писателем народа, имя его будет жить в веках.

Известный русский писатель А. И. Куприн, хорошо знавший Антона Павловича, писал некогда: «Быть может что простоватое и скромное, что чрезвычайно простое, народное — в лицце, в голосе, в образах речи».

Таким был Чехов-человек. Таким было и его творчество — «чрезвычайно русское, народное»...

Антон Павлович сформировался как писатель в 80—90-х годах, в то время, когда

Победоносный над Россией Простор синные крылья.

Все, казалось, было задалено: общественная жизнь, литература, пресса, даже сама мысль. Но именно в эту пору в глубокой народной почве зрели те гроздные сны, которые потом взорвали старый мир тупости, косности, деспотизма, бесправия. И народ, в эту пору, вспыхнув, морил, зажигал головы Чехова — Антона Чехонте, филолога, «Осколков», «Стрекоз», «Будильника» — юмористических журналов того времени. Проверявшиеся сквозняками сенсорной цензуры, эти журналы не отличались сколько-нибудь высокой общественной тонкостью. Подыгрывая куличкам, вза-точникам, чиновникам мелкого масштаба, давая музыкальные концерты, женские темы — вот темы в кругу которых вымкнуты были вращаться сотрудники журналов. Молодой Чехов, сам в ту пору не называвший истинную меру своего таланта, мог быть утонут в этой засасывающей тinte мелкотемии. Но этого не случилось: над окружавшей его средой — боязливые или менее занимательных, но

мелких литераторов — Чехов поднялся как гигант, оставил далеко позади тех, кто считал себя его учителями и наставниками.

Говорят, что «Чехов — чудо-писатель». Такими считали его и некоторые из его современников, не отличавшиеся особой проницательностью. Да, мы смеемся, когда читаем «Хамелеона», «Хирургию», «Капитана», «Смерти чиновника». Но каким смехом? Горечи и жалости! Нам жаль этих чеховских герояев, брахтающихся в болоте мещанства, обывательщины и пошлости. Читая Чехова, мы начинаем ощущать в себе двойное чувство: горечь и жалость, и ненависть к общественному строю, топтавшему, калечившему и уничижавшему людей. Беликов — человек в фурье — не только смешная, но и страшная фигура. Ни ведь и сам он гордение той семьи, в которой он жив. Унтер-офицер Пришибеев, персонаж, имя которого вошло в поговорку — «грубо», «тупоумилено» — представляет собой, мы не чувствуем отвратительного склада старой царской казармы с ее атмосферой надругательства над человеком, с ее мордбиением, бессымсливым шагистикой, еще более бессымсливой клювостью! В рассказе «Зломушьшишени» — запутанный, замороженный, нищие русские крестьяне, отмеченные сумкой с револьвером для похищения гибели не представляют ли они перед нами в качестве некоего символа правового положения русского крестьянства, обсвобожденного от крепостничества, но вывернутого в другую, не менее страшную кабалу?

Горячая любовь к поруганному, униженному и оскорбленному человеку ощущается в каждом произведении Чехова. Она близка и понятна советским людям.

В повести «Дядя Федя» Чехов изображает одного из своих герояев гордит: «... нужно, чтобы сильные не побащали слабых, чтобы меньшинство не было для большинства паразитом или насосом, высасывающим из него хронически скучные сои...»

Глубокая ненависть ко всему, что дает человека, мешает ему разрастать плечи и поднять голову, характерна для творчества Чехова и его отношения к жизни.

Еще в 1889 году в своем письме брату Александру 29-летний Антон Павлович писал: «Деспотизм — преступление трижды».

Ненависть ко всякому деспотизму — общественному, семьюному — проходит красной нитью через все произведения писателя.

В основе общепризнанной мягкости чеховского юмора, множества красок, которым живописал он свою деревню и обстановку, окружающую его, лежит огромная любовь к человеку, столь свойственная гуманистической по своей направленности русской литературе.

В писателя всегда жила глубокая вера в светлое будущее народа, которому он полностью отдал свою силу, свое могучее дарование.

Чехов искренне сердился, когда ему говорили, что он слишком мягок, не имеет «награждения». В письмах к Плещееву он возмущался: «Вы как-то говорите мне, что в моих рассказах отсутствует протестующий элемент, что в них нет симпатий и антипатий... Но разве в рассказе я не пропотею против ляли? Разве это не направление?..»

Доктор Королов, один из чеховских персонажей, говорит большой наследодатель купцов Ляпинова: «Хороша будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, что мы не доживем...» Сколько в этой простой, бесхитростной фразе страстной убежденности в творческих, созидательных способностях народа, в его духовном и общественном могуществе!

Жестокая болезнь, обозванная жизнью, не ушла от поры, когда он находился в расцвете своих творческих сил: ему было тогда только сорок четыре года.

Незаметно для себя Чехов стал в ряды первоклассных мастеров русской литературы. Он сам о себе шутя говорил: «Медицина — моя законная жена, литература — незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключить друг друга...» Незадолго до смерти Чехов, в Нескучный домик в Ялте, где последние годы жил писатель, был предметом внимания всей передовой

литературы России того времени.

Рассы Чехова — такие своеобразные, необычные, светлые, грустные и вместе с тем радостные — были завершением, апофеозом его творчества. Постановка чеховской «Чайки» в Москве на сцене Художественного театра открыла новую страницу в развитии русской драматургии, определила собой становление великого детщика. Следом за Станиславским Григорьевским и Владимира Ивановича Немировича-Данченко — Художественного театра. Изображение чайки — быстроокрылой, стремительной птицы на занавесе МХАТа — символ прекрасной души Антона Павловича Чехова, чье творчество, равно как и творчество Горького, навсегда связано с Художественным театром, являвшимся гордостью русского театрального искусства.

Чехов не раз с грустью улыбался, говорил о себе: «Почитают меня десять лет и забудут...»

Нет! Это не произошло! и не могло произойти. Чехов бесконечно дорог нам, советским людям, идущим по пути коммунизма, ибо мы живем и труждаемся для того, чтобы не быть рабами, ни прращенными, ни белоковыми, ни униженными и оскорблёнными людьми, чтобы душа человеческая высоко парила в небе, как чайка, а не падала в беддину с надломленными крыльями.

Чехов бесконечно дорог не только нам — советским людям, но и всему передовому человечеству. Книги Чехова — живые фотографии жизни, ее яркие красавицы. Книги Чехова — новизна тем, которую не знала привычная правда жизни. Но тем более дороги они нам и тем, кто с нами!

Ник. КРУЖКОВ

и помнит дядчика Отлужинина из рассказа А. Чехова «Канинель», долго и запутанно препирающегося с Богомольной старушкой Федосьей:

— Постой, нешибо... Не за зайца скакешь, успеешь.

— Большую-то Федосью за упокой? Тю!

— Тыфу! Ты, кочерышина, меня запутала!

— Ежели ее туда, то будет о здравии, ежели же сюда, то за упокой...

— Молчи!

май,

ВТОРИМЫЕ

контрастно, только двумя красками: черной и белой. Здесь нужны тончайшие интонации переходов. Если пристегнуть к самостоятельности с живописью, то Чехов в тончайшей манере делился с ее помощью разными, неожиданными колоритами. И нам, актерам, никогда нельзя забывать этих особенностей почерка драматурга.

Сам Антон Павлович говорил: «Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть». И Чехов показывал людям их портреты, написанные со всей смелостью таланта.

Всегда хотелось бы поразительную концовку «Вишневого сада», Брошенный поэмы, на сцене остается одинокий, немощный Фирс. О чём же горюет забытый асени старики? Да от того, что барин легко одет и может, пожалуй, простились. А барин в последнюю минуту даже не вспомнил о покинутом старики, шептавшим в полуза�отах: «А меня-то забыли?»

Знаменитое позже, когда В. И. Немирович-Данченко готовил вторую редакцию «Прех сестер», уже

для советского зрителя, он понял, что основной смысл пьесы — «Плохих мы живем, господа, скучны и гадков» — будет непонятен молодому поколению, которое никогда этого былой серебряной жизни не видело.

И талантливый режиссер по-новому прочитал Чехова. Необходимо не только показать убогость жизни героев пьесы, но и подчеркнуть тоску из-за будущему, по тому поводу, что неподобно должно прятать в жизни. Необходимо передать зрителю ощущение немимуемости будущего, который греет, чтобы привнести новые идеалы. Бури, которую так тонко предчувствовал великий писатель.

Встреча с Чеховым — всегда неотвратимое наслаждение для актера. Но одновременно это и огромная ответственность, сложность, требующая мобилизации всех творческих сил.

С особой острой чувствую я это сейчас, когда готовлю роль председателя земской управы Лебедева в пьесе А. П. Чехова «Иваново-

ВСТРЕЧИ

Это первая встреча Малого театра с Чеховым, и с тем большим чувством ответственности готовимся мы к представлению пьесы. Режиссер — народный артист РСФСР Б. А. Бабочкин — видит в «Иваново» не только блестящие написанные сцены, рисующие безнадежную серость и пустоту дореволюционной жизни. Он старается глубже раскрыть трагедию Иванова, жаждущего общественной деятельности, но не находящего применения времеющей в нем энергии.

Мы внимательно смотрим в этом плане традиционную трактовку пьесы. В частности, мы задумались и над ренегатом — мною ролью традиционного добряка Лебедева.

Так ли уж он прост? Ряд притворческих в поведении Лебедева заставляет пристально к нему присматриваться. В самом деле, человек, сам превратившийся чуть ли не в нахлекал, вдруг выворачивает досытые юбочки, которые впрочем же-
кой дают в приданое дочери Саше.

Заведомо зна, что у Иванова

нет денег, Лебедев по поручению жены-ростовщицы просит заплатить ей проценты. Правда, он не говорит, что Иванов сам «загребет тысячу сто рублей». Но как предлагает! Смалка советует съездить к Мильямку, попросить у него в долг. Это вместо того, чтобы сразу с дружеской готовностью положить деньги на стол. Не потому ли Иванов категорически отказывается взять у Лебедева взаймы?

Редкими приспособлениями интересную деталь. Переп тем, как проглатывает Иванов деньги, Лебедев за саниной пересчитывает кредитки, тщащись их мусола.

Много сложных раздумий одолевает нас в напряженных месяцах подготовки премьеры пьесы, в которой Чехов подходит к мысли о неизбежности очистительной бури, способной преобразить человечество. Чеховский герой, обладающий жизнью с особенной силой, заслужит в наши дни в новой России, несущий всему миру идеи справедливости и народного счастья.

Фото М. Муразова.

Идет подготовка к съемкам одного из эпизодов фильма.

Последние указания режиссера И. Хейфица.

щую исполнительницу. Однажды неожиданно выбор определился сразу: «Вторые в своем роде» — спорили, приводя в приподнятом на главную антрусию, что случилось с пьесой. Московского студенческого театра «Такая любовь». П. Когута, которая роль матушки в пьесе «Матильда» играла выпускница факультета журналистики МГУ Илья Савинин.

Из всего двадцати два года — столько же, сколько Анне Сергеевне потребовалось на восстановление. Савинин-Шестаковой сочетается с очень чуткой и выразительной игрой, исполненной игрой совершенно чудесными штампами.

Сейчас, когда работа над фильмом закончена, я могу оценить исключительную добродушность молодой исполнительницы.

Мне кажется, она сыграла настоящую чеховскую «даму с собачьими».

Однако я забыла вперед:

картины скоро увидят зрители, и им первое слово.

С буденовской борьбой

Начиная с декабря этого года Пленума ЦК КПСС в редакцию нашего журнала пришло письмо от механизаторов подмосковного совхоза «Буденовец»:

«Уважаемые товарищи! — гласил оно. — В этом году наш совхоз выработал неплохой урожай картофеля, но вот беда — что мы сделали свое слово собирать по 140 центнеров с гектара, так как засадили в социалистических обязательствах. Но не сдержали. Немало картофеля осталось в земле.

Осенние на полях совхоза работали, в основном, не машины, а люди с лопатами. Техники в совхозе доставляли картофель из других районов. Картофель, собранный с помощью слабыми помощниками для «буденовцев». Есть у нас претензии и к сельскохозяйственным машинам других типов. Хочется, чтобы от этих письмец узрели на заводах, которые их выпускают...» Далее шли подписи: В. Кирпухин, Н. Калмыков, А. Велоз, А. Сыроветкин, В. Аксин.

Редакция решила направить в «Буденовец» своего корреспондента.

С ног под ногами пел на все голоса. Мой попутчик, разговоривший парень в солдатской ушанке, сдвигнувшись на лоб, вызывался проклести меня от пошес в совхозу кратчайшим путем — уходом из города в деревню трошкиной. За несколько минут он сообщил мне всю историю совхоза, рассказал, что выращивают здесь в основном картофель, есть кукурузные поля, фермы, клуб с телевизором и что жена его Клавдия сначала очень была недовольна, когда он решил работать в совхозе, а не в городе, но теперь ничего, зловещего и синтетики, когда получают квартиру в новом доме.

— Коттеджики у нас строят, будь здоров! — сказал он. — Тут одни из кинохроники приезжали. «Ну и натура у вас», — говорит. Сплошная лакировка действительности.

Деревни поредели. Трошкина вывела нас прямо на центральную улицу поселка к одностахийским домикам из неокрашенных шлакобетонных плит, сшитых без кривых. Таможи было несколько, да и дальше во всем диком ущелье стояли совершиенно одинаковые «коттеджики»: розовые, под зеленой крышей. Это была центральная усадьба совхоза «Буденовец».

— Контракт в конце улицы, за гаражом, — сказал мне спутник, прощаясь.

Письмо молодых трактористов из «Буденовца», которое привело меня сюда, было тревожным: «Картофель остался в земле... Обязательства выполнены...» Механики, конечно же, прошли об этом с горечью. Но быть может, письмо оно в сердцах, может, лишь в запальчивости пишут они картофелегубочные?

Еще в радицентре механик Дмитровской РТС Илья Георгиевич Шаров рассказал мне об обилич техники, которая поступила нынче в землемедельческие хозяйства.

— Такого никогда не было, — говорил он. — Видели бы вы наши поля прошлым летом! Словно весь район превратился в испытательный полигон: десятки неизданных машин из Рязани, Подмосковья, Белоруссии, Пензы.

Шаров рассказывал о переменах на колхозных полях с гордостью, но не только поставил на то, что некоторые машины не выдержали экзамена на севе, культивации, уборке. Случалось, что машины, привезенные из заводов, попадали в РТС, не проработав и половины сезона.

В жарко затопленной конторе совхоза, увещанной высохшими образами различных злаков, главный механик Жабин подтвердил слова Шарова. Он брал из стопки чистой бумаги по листку, уверенный, что эти схемы машин, отдельных их частей и пояснял:

— Здесь неудача конструкция узла, тут неудобна и тяжела система управления...

Точно так же отлично разбирались в «болезнях» своих агрегатов и трактористы из деревни Жесты и курсовские механизаторы. Они высекали картофель и к концам узким и в заводах сельскохозяйственных машин.

Письмо молодых «буденовцев» обратило новые подробности.

В складах трактористов Леонида Чугунова из «Буденовца», Владимира Цветкова из колхоза «Россия», бригадира Алексея По-

госухина, сельхозного механика Елены Жабиной, агронома Елены Ждановой звучала тревога за судьбу молодых побегов зерновых, картофеля, кукурузы, что дружно поднимутся в наступающей весне. Их боялись, что они погибнут. Воды в совхозе «Буденовец» ожидалась прошлой осенью богатый урожай картофеля. Но что получилось на деле? Всего по семейству ценителей с гектара вместо ста сорока, как обвязались! Работали на уборке напряженно — и в щоки и в грязь. И все-таки не успели немало картофеля осталось в земле. Да и картофель, в общем, техника оказалась слабым помощником.

Осенне на уборку совхозных полей вышли копатели «ГЭК-2», «КТН-2» и комбайны «ККР-2». Копатель «КТН-2» Кировского механического завода — последнее слово техники. Он наивесел, работает от валов отбора мощности «Беларусь». Механизаторы, тем не менее, это «последнее слово» не удовлетворяют. У него одна коническая голова, другая — квадратная, несущая часть. Она быстро расшатывается, то и дело перекашивается. А насокут машина на камень — сгибается кронштейн ножа. Передняя часть транспортера ко-

пателя быстро забивается даже невысокой ботвой. Перед уборкой ботву приходится... досыпать. Но, пожалуй, основной недостаток машин — это то, что за каждым таким копателем идет по полу веером людей — сорок подборщики!

Проблема компактской уборки картофеля решается применением комбайнов. Но сельскохозяйственные машиностроители должны признать, что у наших картофелеводов до сих пор нет производственного, надежного в действии комбайна.

Сейчас выглядели на поле «ККР-2». Вокруг каждого комбайна стояли 10—12 человек. Агрегат поднимал и подавал по транспортеру сплющенное мясо из картошки и грязи. Пришлое удлинил разборный стол и поставить туда «подмогу» восемь рабочих.

В «ККР-2» клубень картофеля проходит длинный и «слегкий» путь по борозде, подается вспомогательным рабочим органам. В корзину он попадает лебятой, ведь в «сизаках». Хороший директор магазина такой картофель никогда не закупит: длительного хранения он не выдерживает, чернеет.

Семь комбайнов убрали всего 50 гектаров. В конце концов их пришлось использовать как простые копатели: так было надежнее.

Пятьдесят гектаров из семисот, занятых в совхозе под картофелем! Никому и в голову не придет сейчас убирать хлебом сервис. Но вспомогательные уборочные машины «сизаки» по сих пор остаются человек в ловушке?

В прошлом году Министерство сельского хозяйства СССР объявил конкурс на лучший проект картофелеборочного комбайна. Сейчас из сотен образцов отобрали тридцать. Колхозники хотят их побистрее получить. Обычно, когда хорошая машина долгое время существует только в виде экспериментальной образца.

Так получилось с сортировкой «КГР-10». В Краснодаре на Морском автотракторизовом заводе изготовили пробную партию этих машин — 100 штук. Одна из них работала в «Буденовце».

— Отличная машина! — сказала молодой агроном комсомолки Елена Жданова. — Проработала весь

Рисунок Е. Веденикова.

сезон без поломок. Мы на нее надеялись не могли.

Новая машина исправно разбивала картофель на три сорта, успевая обработать до десяти тонн в час. Хорошие отзызы получены также из других хозяйств, где испытывали ее сортiroвка. И что же? На шестнадцатый год запланировано изготовить микроскопическую дозу — 500 сортiroзов. Опять прибыла партия!

Справедливая нараховка димитровцев к изданию завода «Белинсксельмаш» — картофелесажалкам «СК-4» и «СН-4». Последняя — более совершенная модель, она дает возможность регулировать высоту картофеля. А все-таки со своими «обязанностями» «СН-4» справляется пока плохо. Машина не всегда приспособлена за то, что клубни склоняются в лунки неравномерно, неудачна конструкция бункера. Часто засоряются тукопроводы, и машина несет подавать уборку.

Но новость для димитровских колхозников явился силосный комбайн «СК-2», изготовленный Гомель. Кукуруза прочь прижилась на поименных участках района. Два таких комбайна были испытаны механизаторами колхоза «Ногинская Юность». Вот мнение бригадира трактористов Алексея Полозухина:

«Всем хорош комбайн, но подходит выгрузное устройство. Участки под кукурузой у нас не большие — по полтора — два гектара. Да и местности, сами видите, — переселки, речушки извилистые. Развернутая комбайну трудновата. Автомашине должна время или рядом с комбайном и принимать силос в кузове, а не в кузову транспортеру. Стоит — грузовик, погрузка на хабе — воле не ровный стул — как борт кузова бьет по транспортеру. Сколько нам приходилось возиться с почникой выгрузного устройства!.. А на мой взгляд, этого можно бы избежать, если поставить его сзади, как это сделано у силосорезки. Вместо машины можно приспособить пару прицепов».

Добавим к этому, что крупный недостаток комбайна — низкий ход. Это не позволяет насыщать борт автомашин. А ведь сажено нужно транспортировать: трехтонка с полным кузовом берет только полторы тонны.

Добавим к этому, что крупный недостаток комбайна — низкий ход. Это не позволяет насыщать борт автомашин. А ведь сажено нужно транспортировать: трехтонка с полным кузовом берет

...Алексей Полозухин рассказал мне о силосном комбайте, расхаживая под огромным навесом, где стояли «на приколе» десятки машин — комбайны, механизаторы, селянки. Они были вычищены, аккуратно прикрыты брезентом. Видно, к технике здесь относятся заботливо, — по-хозяйски. В «Ногинской Юности» рабочий отказался от услуг РТС, обработав свою мастерскую. Тут есть электротяга и газосварка, стоят токарный и сварочный станки.

Но никаким уходом и никаким ремонтом нельзя устранить «рожденные» недостатки машины. Зерноловую узкоколейную сельжу «СУЗ-48» поднимают снабжали легчеными автоматом отключения выключающих аппаратов и подъема различных органов. А со синими на седанах стоят трактористы их ведь теперь 48 вместо 24. Поэтому автомат частенько отказывается на севере, «выбывает». Хотется, чтобы товарищи с «Белинсксельмаша», выпущенного этим селянами, знали, как иной раз трактористы выходят из положения. Ни повторяли или в случае, когда нужно перебраться на ближайшее поле, они вообще не выключают аппарат и смыаютзерно впустую...

И еще одна замечательная машина — РТС, и не только для поименных колхозов. В районе десяти машин простаивают только потому, что механизаторы днем с огнем не могут отыскать какую-нибудь мелкую, но необходимую деталь.

В портах Дмитровской РТС мне повстречалась молодой тракторист Алексей Батанов. Он торопился в город «на промысел». Под ватином у него лежала тщательно зашваченная в трикотаже куртка. Была лишина, и ее тоже, предложила предоставить простоять весь день в поисках нужной щепки и выменять ее на споню. Тайных «хождаков» в районе немало.

Запромороженные снегом, безжизненные машины стоят во дворе ремонтно-тракторной станции, на полевых стапах колхозов. Они до времени вышли из строя, превратились из помощников хлеборобы и овощеводов в груды металла. Среди них, как правило, обрастают к мользам, заводятся, и вскоре выпускают неожиданные машины: «Товарищи машиностроители!..! От вас в мир занавес успеха весенне-зимнего похода за урожай, за богатый гектар!.. Техника, которую вы производите, должна идти в ногу с требованиями сегодняшнего дня».

Первый год семилетки закончился событием огромной важности — декабристским Пленумом ЦК КПСС. «Все речи о народном хозяйстве, что было, было — у нас хлеб, мяса, овощей, масла, чтобы каждая осень полны-полны были колхозные и совхозные закрома, чтобы легче и красивее становился труд земельства, открывались перед сельским хозяйством широкие просторы».

На пороге больших лет стоят и вы, строите сельскохозяйственных машин. Перед вами поставлены новые задачи — в короткие сроки создать новые типы тракторов, машин с орудиями, оснастить колхозы и совхозы новой техникой для колхозной механизации, резко улучшить качество выпускаемой продукции. Этого ждут, этого требуют от вас труженики полей.

А. ШАКИН

Димитровский район,
Московской области.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В ШЕСТЬНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

вперед до законченности партийного воспитания».

Автор воссоздает горячую атмосферу революционной поры, использует публикации арзамасской газеты «Молот», тексты листовок и множество других интересных документов.

В книге подробно рассказывается о близлежащем сожжении будущего писателя Петра Найдорфом, учительницей Петры Найдорф, которая, как и сын, решила «спасти народ» и выступила в партию большевиков, об учителях-коммунистах Н. Н. Соколове и Т. И. Бабайкиной, смъянной большой шевченко М. В. Голупицой и других.

Автор показывает, как возникли в сознании будущего писателя те вопросы, разрешение которых вдохновило его на путь приверженца большевиков. Вот один пример: «Совсем недавно, вечер, ходили с Таловой (сестрой Г. Ш.) на Волгу, долго смотрели, как грузили на большой белый пароход катки-то тяжи, мешки, бочки, и услышали песню. Сидели, слушали и даже немножко запомнили мотив и слова, пришли домой, запели: «Вставай, поднимайся, рабочий народ!.. А как дальше забыли...» Слова песни, запомнившиеся, мы говорят, что нельзя ее громить петь. Ведь «Жиль в бабушки сереный колыблик» сколько угодно можно, а это почему-то нельзя...» Так раскрытие летской психологии сочетается в книге с добродушным юмором, придающим особую прелест повествованию.

Подробно освещен начальный период биографии А. Гайдара, автор рассказывает о подготовке к работе над первым произведением А. Гайдара в фактуре, которая, по заданию национального художественного совета, вошла в его книги. В живой очерковой манере В. Малюгина воссоздает творческую историю повестей «Школья», «В дни поражений и побед», рассказа «Голубая чайка».

В книге В. Малюгина есть спорные утверждения, неуживчивые построения, но она, несомненно, представляет интерес для юных и взрослых читателей, а также для историков советской литературы.

Г. ШАРАПОВ

г. Горький.

«Малюгин. Счастье Аркадия Гайдара. Горьковское книжное издательство, 1959, тираж 15 000 экз., 183 стр., цена 3 руб.

ПОЕЗДА ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ...

Я б судьбу свою не доказал,
если б я не вспомнил про вокзал.
Семафоры...

крик перронов...

Это века беспокойного приметы.

Время беспокойное связало

мое сердце с гомоном вокзала.

Он гудит тревожно и бессменно,

он, как сердце, бодрствует всегда.

По просторам, по железным венам
гонят,

гонят

поезда.

И струятся, словно кровь, державы,
красные товарные составы.

И летят, колесами куют,
сквозь сырой туман да горький ветер,
поезда двадцатого столетья —
беспокойный, кочевой уют...

Забий час.

Заря звезду слизала.

Сосны тишиной потрясены.

В зале многоголосного вокзала
дремлет юность,
юность видят сны.

Принюхнувшись на жестких вещмешках,
кутаются в куртки и очвины
девчонки, пуховики, бащаках,
с бритвой именитые мужчины.
Синится им Сибирь,
им подвиг синится.

Чад костров струится по ресницам...

Стройка возникает у реки.

Самокрутки ладят взрывники.

И глядят

из-под руки

туда,

где клыки ощерива

грядя.

И встаёт, блестя и пыла,
непомерный гроток над Таймыром.

Взоры сунрак.

Ахнула земля.

Происходит сотворение мира.

Происходит новые дни...

Ложится

родниковый, зыбкий свет на лица.

Это будет!

Это все случится!

Все пройдёт вы —

и гром и ветер,—

века геронического дети.

И летят

в тумане вдоль планеты

поездов

хвостатые кометы.

она.

Зовет за ней стран...

Ах, отчужденных полоса!

В канавах мазутная роса.

Гусей на снегу скроет ветер,

как будто кто-то

небеса

на случай

птичкою пометил...

Долой

груз будничных обуз,

груз мелких дел,

сомнений груз!

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Ты слышишь
посвист и гуденье
над полосой отчужденья?

От суеты

отчуждена

она.

Зовет за ней стран...

Ах, отчужденных полоса!

В канавах мазутная роса.

Гусей на снегу скроет ветер,

как будто кто-то

небеса

на случай

птичкою пометил...

Долой

груз будничных обуз,

груз мелких дел,

сомнений груз!

Михаил
ДЕМИН

ДОРОГА ВЕДЕТ НА ВОСТОК

Ведь в каждом сердце, почивая,
живет Россия кочевая.

Россия...
Зори штором пахнут,
плывут над логом гарь дымка.

Лежит — распахан
и распахнут —

простор
на полянтика.

Колесный стук.
Густой смисток.

Шар повернулся
на восток.

В ПУТИ

В октябре, нарушая прогнозы,
граунт хорд. Завернули морозы.

Мой товарищ сказал:

— Пропаду.
На таком холоду
не дойду.
На кирзовый сапог поглядел,
усмехнулся немецкой беде.
Осмотрелся, вздохнул в укладкой.
Из-за пазух выпул тетрадку.
Полистал...

А затем у костра
друг оберывал ноги листами...

И свирепо гремели ветра,
и возвышенно звезды блестали.
И, стихи подмотав в сапоги,
шли мы вновь бездорожем тайгу.
Шли, котомки закинув за плечи,
шли большому свету на встречу...

Вот и шутят в зимовых глухих,
что и впрямь согревают стихи.

ПЕРЕКУР

«Эх, сверпем, чтоб дома не журчали!» —
Двое в перекур разговорились.
Примостились на шершавый хвост,
здымили в небо снеговое...

И сказал один другому:

— Друг! Сибирь
старая примета:
гаснет самокрутка на ветру —
значит, по тебе скучают где-то.
Девушка, быть может, до утра
письма пишет, не смыкает глаз...
Что-то я гляжу,
который раз
ворошили угли у костра...
Усмехнулся ты, отмазнулся друг.
Погасок окроуп на каблук.
— Врут приметы!
Встал рывком с земли.
— Ладно, пошабшили. Пошли!

Вот и вечер.
Тени на деревни.

Но не гаснет пламя
на полянке:
кто-то угли ворошил в тиши.
До заря былое ворошил...

Все ушло.
Но ждет и не скучает!
Ветер соснов черные качает...
Врут приметы.
Письма слать не хочет!
Ветер в сосновых голубых грехочет...
Утро
с крон

обрушивает росы...
Вот опять погасла папироса...

РАССВЕТ

Стеклит
стекольщик

дом,
и вот
из рук его
заря встает.
Встает заря, отражена
в глубинах нового окна...

Встает из каждого стекла,
в сто солнц над улицей села...

Смеется мастер:
в час веселый
он дарит солнце новоселам!

ИДЕТ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА...

Осинник синий в соках горьких.
Капель блестят и шуршит.

Залег медведь
в лесной тиши,
а пробудился
на задворках.

...Ограды
гомон голосов,
истерика лохматых псов...

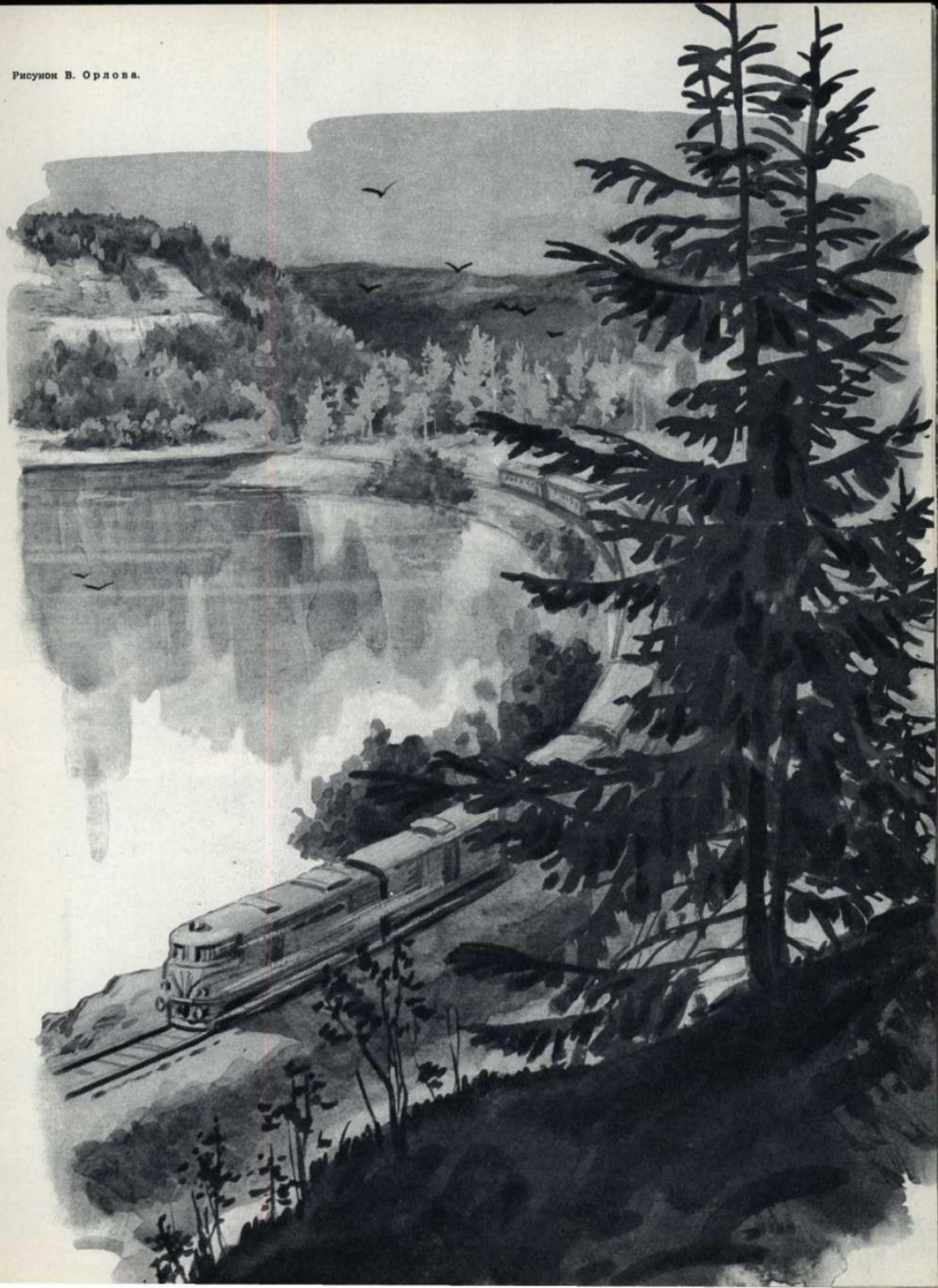
И встал, как глыба, в зябкой мгле,
и вздрогнул зверь
голодным телом.

Под небом
от бурана быль,
на черной
от ручьев земле.

И прошлогоднюю тайгу
на миг приподнял, убегав:
Была тайга совсем другая,
в непотревоженном снегу...

По буреломам,
по берлогам
идет железная дорога!

Рисунок В. Орлова.

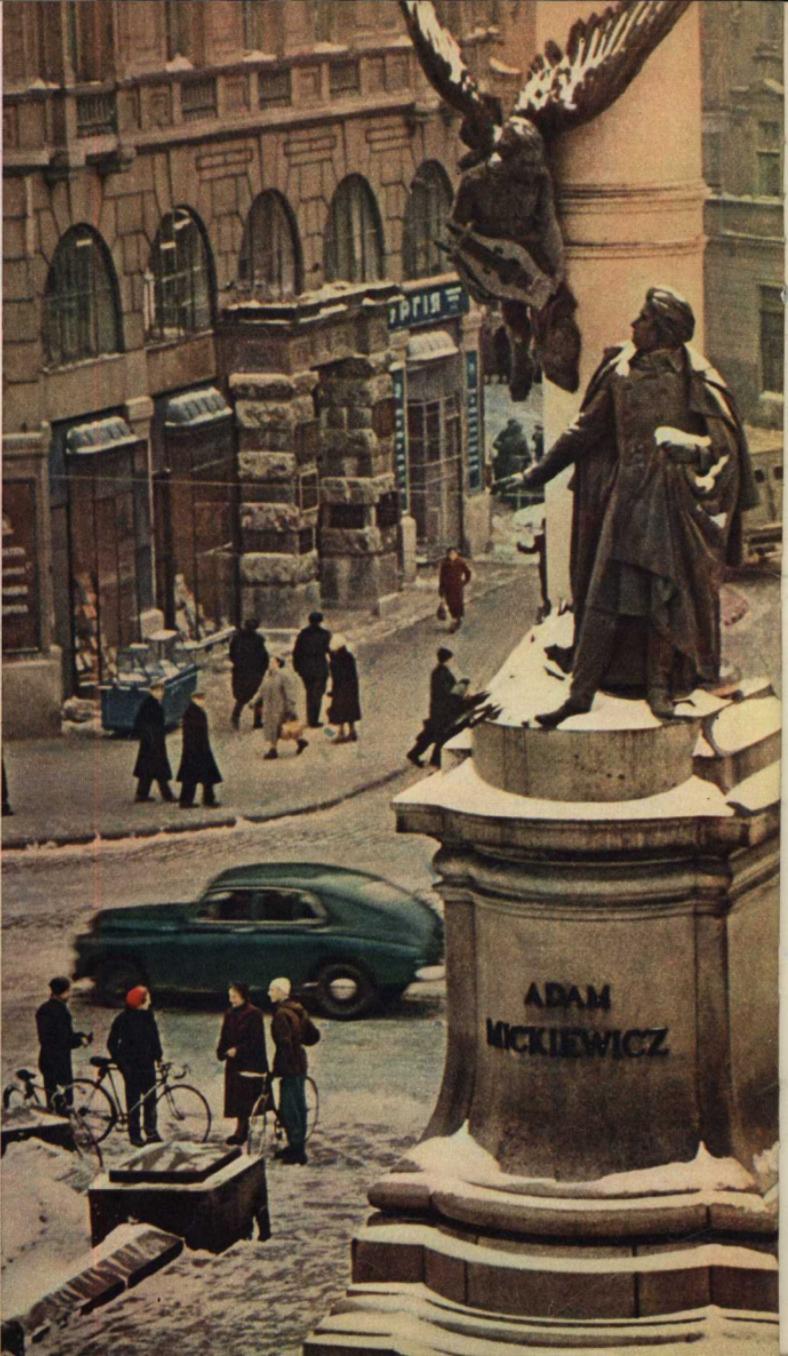
Электрик Алексей Назинцев и токарь Анатолий Янтуховский предпочитают борьбу другим видам спорта.

Завод и спорт этим mestам не чужды. Владимир Григорьевич Григорьев, как он, много на Львовском велозаводе.

«Рыцари» кожаного мяча — футбольист Станислав Байдала и волейболист Иван Чернобаб.

ИСТОКИ БОЛЬШОГО СПОРТА

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ...

В комитете комсомола Львовского велозавода было не обходимо решить вопрос о том, что уже давно накопилось на сердце у каждого. Дальше так продолжаться не может! — это было единодушное мнение.

— Пусть наш завод навеял, но молодежи хватает, чтобы иметь свой спортивный коллектив! — звонился слесарь Лев Шелеменцев. — А то мы как чужие: все в разных стороны...

— Сами делает велосипеды, а секции велосипедистов нет! — веско сказала Ирина Кунин. — Позор!

— Позор? — переспросил кто-то. — Ведь ты сама разряд имеешь, — занявшись где-то на стороне. Тут взялись и организовали секцию!

— Верно! — разделись голого. — Ну и что же, вот возьмем и организуем... — спокойно ответила Ирина.

Спорстмены: у нас есть, — поднялся инструктор физкультуры Нина Петровна Проценко. — Не много, но есть. Желание тоже. А когда будет свой коллектив, ребята сами постичутся к нам. Надо начинать сразу же, не откладывать! Тогда и поймут, как следует, с чего начать.

Чего начать? Вопрос не простой! Дело осложнялось тем, что завод не выполнил плана, и поэтому, средств на приобретение спортивного инвентаря не было. Не было и помещений — не то что зала, а просто свободные комнаты.

Все же вышло наши: шахматисты есть, шахматы не проблема. Помещение Петроградской с директором залено со стулами и кабинетами. Так в марте 1957 года произошло «историческая» событие в спортивной жизни заводского коллектива — первое лично первенство по шахматам, в котором участвовало четырнадцать человек.

Потом купили четыре малокалиберных винтовки и начали заниматься спортивной стрельбой.

Популярность футбола на заводе была настолько велика, что создание секции юношеского маневра потребовалось совсем мало: сделали поле, и команды выбросили как грибы. Скоро можно было уже проводить первенство завода между командами цехов и отделов.

Оказалось, не одна Ирина Ку-

ник считала, что на велосипедном заводе должна быть своя команда велосипедистов. Как-то, просмотрев календари соревнований, присланный из Москвы (тогда физкультурный коллектив завода входил еще в ДСО «Горпед» и «подчинялся» непосредственно столице), ребята с удивлением узнали о запланированных в течение года встроенных велосипедистов из заводских коллегами.

— Ну, Ирина, давай принимайся за дело! — сказали ребята. Обстоятельства на этот раз складывались счастливо: предприятие успешно завершило план. Позвалилась возможность приобрести несколько гончих велосипедов.

И вот в один из сентябрьских дней 1957 года восемь заводских велосипедистов выехали на юг...

В то время трудно было поверить, что впереди неожиданно предстанут заводских спортивных коллективов страны — финалистов 2-й Спартакиады народов ССР — будут именно они, львовские велозаводцы.

ОДИН + СОРОК

Урожай сам по себе не созревает. Нужно вспахать землю, посеять зерна и бережно выращивать культуру.

Так в спорт!

Благодатная заводская почва. Быстро и дружно откликается рабочая молодежь на хорошее и смелое дело, на большую спортивную работу... Но нужно, чтобы кто-то начал, сделав первый шаг, сказал первое слово, бережно и неутомимо «выращивая колосся». Это сделали тренеры-общественники — заводские спортсмены.

Вот некоторые из них.

Токарь Адольф Решетнев и слесарь Евгений Керот, сильнейшие велогонщики земли, не только сами защищают спортивную честь коллектива, а создали еще две команды начинающих и проводят с ними постоянные тренировки.

Инженер-технолог Григорий Шмидт и разбомбифлизовщик Леонид Пархоменко отдают свое свободное время занятиям с будущими стрелками.

Сотрудница заводской библиотеки Светлана Левач, добившись высокого звания мастера спорта ССР, находит время для занятий велосипедистами, а мастер спорта Тамара Лавинская занимается с баскетболистами.

— Собственно, команды у нас еще нет, — говорит она. — Мы ее только создаем. Предстоит встретиться с баскетболистами киевского завода «Большевик». Они, по слухам, играют сильно. Ну, что же... — Тамара улыбается. — Пусть проиграем, зато родится своя баскетбольная команда!

Богдана Ковальчука мы не встретили на заводе: он в армии. Но нам много рассказывали об этом энтузиасте спорта. Богдан ра-

ботал шлифовальщиком в ремонтно-прессовом цехе, страстно любил футбол, но у самого успехов было мало: в заводскую сборную его не ставили. И все же он решил не расставаться с любимым видом спорта.

Богдан отправился в подшефную школу, и скоро на заводском поле проводилась первая детская команда.

Сколько он с ними возился! — рассказывают рабочие. — То проводит тренировку, то ведет их на экскурсии в город, а то устроит «международную» встречу с другой школой.

Однажды произошел неприятный случай. Многие на заводе тогда перенимали вместе с Богданом. Одни из воспитанников Ковальчука, Андрей Добуш, украл детали в цехе. Богдан зодил сам себе. Собрал всех своих воспи-

танников, и они вместе с комсомольцами завода долго обсуждали случившееся. Андрей Добуш поклялся исправиться, а ребята поручились за него.

Больше подобного не повторялось.

Сейчас в футбольной секции завода сорок маленьких футболистов. Все они горят желания стать настоящими спортсменами. Одни просят сорок — это совсем не плохо!

В письмах, адресованных на завод, Богдан интересуется жизнью своих питомцев и пишет, что обязательно вернется в родной цех. В конце письма всегда стоит подпись «уважающий общественный тренер...»

Общественный тренер... Недавно родились эти слова, а как широко и прочно распространяется замечательное движение, в кото-

ре это — Алла Короткова.

Зима — не помеха для заводских велосипедистов. Перед открытием тренировок они говорились, встретиться у памятника Адаму Мицкевичу. Мастер спорта Тамара Левач, член совета — дав последние советы участникам сборной завода — велосипедистам, инженерам, конструкторам. Ростиславу Мелихову, оператору-автоматичнику Владимиру Граку и мастеру спорта Светлане Лавинской, работающей в заводской библиотеке.

ром отражаются черты того нового, что переживает сейчас наш спорт.

ДУША КОЛЛЕКТИВА

Говоря о спортивном коллективе велозавода, нельзя не сказать о Нине Петровне Проценко, заводском инструкторе физкультуры. Можно без преувеличения назвать ее душой коллектива. По тому, как ее встречают в цехах, на стадионе, в комитете комсомола, чувствуется, что Проценко — складская женщина-спортсменка. Нет, гости не то слово — товарищи по москве, организатор. Она хорошо знает своих спортсменов, их жизни, интересы, стремления.

— Вы окончили институт физкультуры? — спросила я Нину Петровну.

— Нет, Львовский университет.

— Какой факультет?

— Филолог. Я — ульбнулась Проценко.

— А как же это...

Вас удивляет, как я попала на этот рабочий? Очень прост! Я люблю спорт, особенно легкую атлетику. А педагогические навыки, полученные в университете, здесь пригодились...

Нина Петровна вспомнила свою трехлетнюю работу на заводе. По тому, как она рассказывает, чувствуешь, что все это глубоко волнует ее.

Сейчас на заводе пять больших секций: велосипедистов, велотрекистов, велогонщиков и шашмистов. Но у нас есть еще спортсмены, занимающиеся другими видами спорта, — продолжает Нина Петровна — боксеры, борцы, штангисты, конники, баскетболисты и, конечно, легкоатлеты. Они мое большое место, — признается Проценко. — Как говорят, сапожник без сапог! В этом году обязательно создадим секцию!

Я смотрю на Нину Петровну и вспоминаю, как часто слышал от заводских ребят: «Ну, Нина Петровна добьется!», «Спросите у Нины Петровны!», «Надо пословатьсь с Ниной Петровной!», «А что Нина Петровна скажет?».

— Нина Петровна — услышала я сквозь шум станков. К нам подбежал высокий, крепкий парень в замасленной кепке. — Надо бы собраться, обсудить дела в команде... — проговорил он быстро и едко — спохватился: — Эздравствуйте!

— Владимир Гран! — представился его проще. — Одни из лучших наших велосипедистов. Участвовал в финале Спартакиады народов ССР в Москве.

— Не надо! — взмылился Володя. — Я однажды был, аая команда: Рустам Файзуллин, Мирон Журкило, Тамара Лебачева, Леня Гончарик, Ирина Кунин и Светка Левич!

Да, велосипедисты — гордость завода. Но не одни они.

«ЭТИМ Я ЖИВУ...»

Ученые-психологи утверждают, что желание человека — одно из самых сильных средств в достижении цели. «Хочу — половина «я могу», — говорит она.

Желание стать настоящей спортсменкой, овладеть сложной техникой спортивного плавания, добиться высоких результатов — вот что привело Аллу Короткову на пуль-

дестах чемпионки всесоюзного общества «Левандара».

Когда она в первый раз пришла в бассейн, тренер даже не обратил на нее внимания. «У этой никаких данных!», — решил он. На одном из занятий тренер сказал Алле:

— Ну, что ты мучаешься! Может быть, тебе чем-нибудь другим заняться?

Алла закусила губу и тихо произнесла:

— Сейчас Алла — одна из наших сильнейших спортсменок, — говорит тренер «Левандара» Иван Яковлевич Семенов. — Я до сих пор не перестаю удивляться ее упорству.

А Алла, высокая, сильная девушка, мы познакомились на одной из тренировок. Она работает на заводе слесарем-сборщиком. «Медалью» стала для меня гордость коллектива», — говорит Иван Яковлевич. Надо успеть выполнить свою операцию быстро и точно. Ни одного лишнего движения... Последний поворот отвертки — и машина поплыла дальше...

Это было днем.

А сейчас ловкие руки семнадцатилетней Аллы рассекают бирюзовую воду бассейна.

После тренировки мы вместе вышли на улицу.

— Завод и спорт — этим я живу! — тихо говорит Алла.

* * *

«Завод и спорт!» — этим живет весь молодой физкультурный коллектив. Созданное его на Львовском велозаводе — пример того, какую большую пользу приносит перестройка спортивной работы, начатая в нашей стране. Хорошо, что во профсоюзные физкультурные комитеты в области в дано распубликованное общество «Левандара» и в городе находится областной совет, который помогает заводским спортсменам проводить постоянные тренировки в своих залах и бассейнах.

Работа пошла веселей. На заводе появились рекордсмены и чемпионы... а вместе с ними — новые проблемы и опасности. Важно, к примеру, не только создать спортивную команду, — это важно, — но и научить ее участников — мастера спорта. Большие перспективы открываются перед заводскими велосипедистами. Но не надо все внимание сосредоточивать на них. Если кто-то из ребятбросает свою основную работу, не следует давать ему «липовую» заводскую должность, лишь бы удержать его в команде. Нельзя забывать о требовании не производить движений с камнями талантливых спортсменов. Помочь, например, выиграть на заводе, что отличная велосипедистка Ирина Кунин могла бы добиться лучших производственных показателей?

Нужно гордиться своими чемпионами, но нельзя забывать о массовости в спорте!

...Широка и могучая полноводная река народного спорта! Секрет силы и роста физкультурного движения в нашей стране особенно ясно понимается, находясь у его истоков.

Константин ВИШНЕВЕЦКИЙ, специальный корреспондент «Смены»

Львов.

Вадим КАССИС

У НАШИХ ИНДИЙСКИХ СВЕРСТНИКОВ

МОЛОДЕЖЬ СПЛАЧИВАЕТ СВОИ РЯДЫ

В поездках по Индии мне приходилось постоянно общаться с молодыми людьми. Я часто беседовал с ними, интересовался их жизнью и работой. И каждый, с кем мне доводилось разговаривать, подчеркивал, что за последнее время роль молодежи в строительстве независимой Индии все более возрастает.

Минувший год ознаменовался значительным участием индийской молодежи в различных организациях, которые до этого, как известно, отличались крайней раздробленностью. Прогрессивные силы страны делают все для того, чтобы покончить с этой раздробленностью, чтобы сложить и поднять молодежь на борьбу за коренные интересы народа, привлечь ее к активному участию в национальном строительстве родины. Ни конференции, состоявшейся в апреле прошлого года в городе Удипуре, где также заочными голосованиями были избраны представители индийской молодежи, пункт о распространении идей научного социализма, поставлен перед ней цель — борьбы за построение социализма.

После этого многие молодежные организации штатов и крупных городов выразили желание создать единую федерацию с крепким руководством в центре и на местах, федерацию, способную отстаивать интересы молодежи, вовлекать ее в экономическую, культурную и политическую жизнь страны. А вскоре состоялась первая конференция Всемирной молодежной федерации, ВМФ. Это явилось большим событием. ВМФ объединила в своих рядах демократические силы молодежи Калькутты, Бомбея, Кералы и других городов и штатов Индии.

Не так давно мне довелось беседовать с генеральным секретарем федерации С. Митрой.

— Мы уверены, — сказал он, — что ВМФ вскоре станет молодежным движением Индии. Федерация примет деятельное участие во всех международных молодежных мероприятиях, направленных на укрепление мира и дружбы.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: «ГРАМСЕВАКИ»...

...Однажды мне пришло заночевать в один из деревень штата Уттар-Прадеш. На рассвете, когда деревни засыпали, Грантсворт, вместе с своим сыном Томом, отправился посмотреть поле сахарного тростника.

На краю деревни, возле древнего храма с обвалившейся штукатуркой и истертыми каменными ступенями, я заметил группу ребят. Их было не менее двадцати. Они сидели вокруг склоненного на скруглу руку стола и о чем-то жарко спорили.

Сопровождавший нас глава деревенского панчайта — «совета старейшин» — Гарбиг Сингх сказал:

— Это наши грамсеваки, хотите познакомиться?

«Грамсаавак» в переводе на русский язык означает «слуга деревни». Несколько лет назад индийская молодежь выступила инициатором организации специальных сельскохозяйственных колледжей. Пять — шесть месяцев учащиеся этих колледжей занимаются теорией: изучают агротехнику, ветеринарию, санитарное дело, различные ремесла, — а затем выезжают примерно на такой же срок в деревню. Там учащиеся трудятся на полях, присматривают за скотом, ведут сельхозпроизводительную работу. Вот как таков грамсаавак.

Грамсаавак должен уметь делать все, — сказал мне Гопал Гура, высокий, широкоплечий юноша: — Крестьяне доверяют нам, а мы должны за это платить им своими знаниями. Гопал Гура познакомил нас со своими друзьями: Саджан Сингх, Бхарат Наг, Наравин и другие парни принадлежали к различным молодежным организациям. Всех их объединяло одно стремление — как можно быстрее вызволить индийскую деревню от нужды, помочь труженикам земли повысить урожай, ликвидировать неграмотность, улучшить санитарные условия.

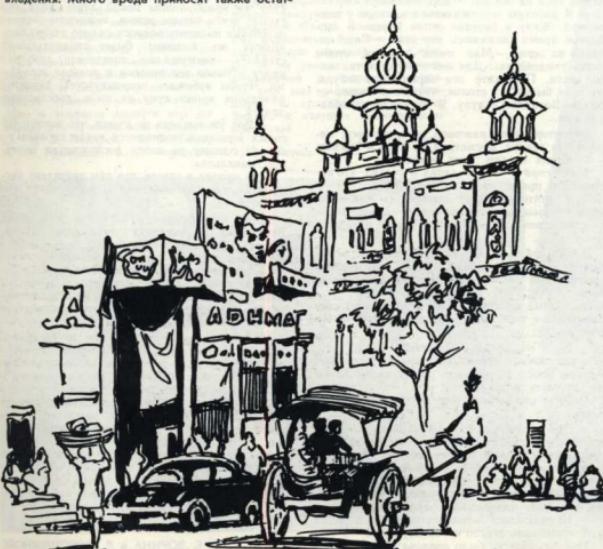
— Лучшей наградой за наш труд мы считаем благодарность крестьян, — сказал, улыбаясь, Гопал.

Затем юноша рассказал мне, что он учился в Делийском университете и что товарищи избрали его старшим группы.

— Государство затрачивает на нас большие средства, — продолжал Гопал Гура, — мы не вправе напрасно тратить время. Отдыхать будем потом. Нас ждут строим. Наша цель — восстановление деревни, нести их в деревню, идти туда, где встают дамбы, где поднимаются корпусы заводов, оказывать всяческую помощь народу.

В ТРУДЕ И УЧЕБЕ МУЖАЕТ ЮНОСТЬ

Надо сказать, что Индия еще переживает большие трудности. В стране, где свыше 80 процентов населения живет в деревне, до сих пор не решен главный вопрос — вопрос о передаче земли тем, кто ее обрабатывает. Достаточно сказать, что все аграрные законы, которые были приняты до настоящего времени, сохраняют принцип помещичьего землевладения. Много вреда приносят также остат-

Зарисовки из индийского альбома Л. Кесснса.

ки кастового строя; государство испытывает нехватку валюты. Но большинство индийцев верят в лучшее будущее, стараются честным, напряженным трудом приблизить его приход. В этом отношении уже достигнуты значительные успехи. Развивается в стране тяжелая промышленность. Принимаются меры, направленные на усиление борьбы за улучшение материального и культурного уровня народа. Огромную бескорыстную помощь молодой республике оказывают страны социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Эта помощь благотворна, оказывается на укреплении индийской национальной экономики. За минувший год в Индии увеличился выпуск стали, текстиля, цемента, автомобилей, паровозов и другой промышленной продукции. Но юноши и девушки, отцы и старшие братья которых освободили их от цепей колониализма, хотят еще больше. Они хотят принести еще более активистской и могущественной. Этой склонностью мечты выражали многие молодые индийцы, с которыми я встречался на конференции десятитысяч со дня провозглашения республики. Молодые крестьяне, рабочие, ученики, студенты сознают свою ответственность перед родиной и вносят посильный вклад в строительство независимого государства.

Вспоминаю сейчас то, о чем говорили Гопал Гура и другие молодые индийцы, мне невольно приходит на память слова Джавахарлала Неру, произнесенные им в городе Аурангабаде на церемонии открытия нового университета.

У молодежи нашей страны нет времени предаваться праздным развлечениям, — сказал премьер-министр. — Она должна учиться и как можно больше учиться. Каждая страна нуждается в образованных людях, в ученых и инженерах... Учение не имеет границ. Это бесконечный процесс познания нового. Чем больше вы учитесь, тем больше благ приносите своему народу...

Индийская молодежь прекрасно понимает это. Она не только мечтает о лучшем будущем, но и упорно борется за него.

Рисунок Ю. Яковлевой.

Балвант ГАРГИ,
индийский писатель

ПЯТЬ ЗЕРЕН РИСА

Ченан Синг пришел на Всесиндийскую выставку не как праздный посетитель. Об этом можно было судить по его обличью иному лицу. Он быстро снял с головы однотонную шапку. Тогда в плавильном кустарной промышленности Синг задержался довольно обычного: его внимание привлекли пестрые декоративные ткани, стеклянные роскошные и большие цветочные вазы. Потом он подошел к деревенской лаковой стендце, сидевшей за конторкой.

— Мне нужно увидеть директора, — сказал Синг.

— Зачем?

— По делу.

— А не смогут ли я быть вам полезной?

— Нет, к сожалению. Я ничего не собираюсь покупать у вас. Я ищу место для своих экспозиций. — Ченан Синг вынул из кармана маленькую коробочку и осторожным движением извлек из нее клочок бумаги. — Здесь пять зерен риса, — пояснил он. — На одном я изобразил карту Индии, на другом написал пять принципов мирного сосуществования — «Панчашана», на третьем — воспроизведен строфу из бессмертной поэмы «Гита», на четвертом — не сколько строк из нашего национального гимна, а на пятом — отрывок из речи многоуважаемого Джавахарлала Неру.

— У вас экспонируются только ткани. Попробуйте обратиться в плавильную павильон и покажите им вашу работу. Может быть, там найдется место для ваших зерен.

Синг направился к большому сооружению, выкрашенному в зеленый и красный цвета. Войдя туда, он увидел различные машины и приборы, поблескивающие никелированной отделкой и лаком. Тут демонстрировались многочисленные изделия индийской промышленности, отображавшие технический прогресс страны. Но, к сожалению Ченана Синга, и здесь его зерна не нашлось.

«Может быть, в павильоне Керала мне повезет?» С такой мыслью Синг вошел в просторный зал, где экспонировались макеты плавильной кухни и земляных орехов. Опять же то го Синг нашел дадьи. Он осмотрел макеты новых оросительных каналов и плотин, выставку модных нарядов и посуды, мельком взглянув на один из стендов транспортной индустрии. Не забыл Синг и о зернах, вложенных в деревенские деревянные железнодорожных вагончиков, прошел мимо павильона обороны природы... Нет! Все это не имело отношения к его экспозиции.

Последнее, что он осмотрел, был плавильный промысел Пенджаб. Синг невольно залюбовалась искусству выполненные фресками, на которых художники изобразили живо изображали грациозных танцовщиков. Чего только не было в этом плавильном! И деревенские ложки, сделанные мастерами художественной резьбы, и расписаны золотом тончайшие шелковые ткани, и винчестерные медные чаны, сработанные деревенскими кузнечами, и огромная модель знаменитой плотины Бхакара...

Две службы играли на карты на импровизированной тавте из свернутых ковров.

— Мне нужен директор, — обратился к нему Синг. — Возможно, вы согласитесь оставить на выставке зерна, что я хочу показать ему.

Враг ли, отговаривали один из служащих. — Некоторые вещи до сих пор лежат на складе нераспакованными. Нигде нет ни одного свободного места.

— Если бы вы взглянули, то я уверен...

— Обратитесь к директору, — перебыл служитель Синга. — Вот он сидит около двери.

Ченан Синг подошел к директору. Пожилой лысый человек сидел в кресле и дремал, согретый ласковыми лучами нежаркого зимнего солнца. Ченан изложил ему свою просьбу и, положив на ладонь одно зернышко риса, добавил:

— На нем начертаны все пять принципов мирного сосуществования.

Старик недоверчиво посмотрел на сероватое зерно.

— Поглядите, прошу вас, — предложил Синг, протягивая ему увеличительное стекло.

Медленно, с опаской, смотря сквозь увеличительное стекло, директор Синга — Я не могу выполнить твою просьбу. А чем ты зарабатываеть себе на жизнь? — вдруг спросил он.

Я работал чертежником в контуре у замлемера. Жил в деревне около Рурки. В свое бодное время занимался вот этим... Синг показал на зерна. — Мне очень хочется, чтобы люди увидели их... Для них требуется так мало места. Положите эти зерна куданибудь, но убыть бы на гот столик, что стоит налево от входа. Возьмите и лупу. Я буду вам это благодарен.

Директору этот разговор, по-видимому, нравился. Он зевнул, посмотрел на лубо и сказал:

— Клади их сам, куда хочешь.

Ченан горячо поблагодарил и сказал, что не временно придется сюда заглянуть.

— У зрителей могут возникнуть какие-нибудь вопросы насчет моих зерен, — сказал он. — Охотно отвечу на все, что их будет интересовать.

На другой день Ченан Синг пришел в плавильный один из первых. Но не ошибся: его экспонатами заинтересовались многие посетители.

Бородатый крестьянин, посмотрев через увеличительное стекло на зернышко, восторженно восхитился:

— Ну и народ же в Пенджабе! Мало того, что похождены строят плотины и укрошают бурные реки, так они еще пишут целые книги на рисовых зернах!

— Это моя работа! — с гордостью сказал Синг.

— Это действительно у меня написано! — удивился стоявший рядом человек в очках. Это был видный ученик, приехавший на Всесиндийскую выставку вместе со своей женой. — Разрешите, пожалуйста, мне взглянуть.

Вооружившись лупой, ученик начал читать то, что было написано на зерне риса.

— Изумительно! — произнес он и передал увеличительное стекло своей спутнице.

Никогда еще не было столько посетителей в

павильоне. На другой день их пришло еще больше. Ченан Синг охотно объяснял людям, как ему удалось сделать микроскопические надписи на зернах риса. Вокруг то и дело раздавались изумления:

— Чудо! Это непостижимо! Понистите, пожалуйста, зерно!

Ченан Синг провел на выставке целую неделю. Когда же его отпуск кончился и ему пришлось вернуться в деревню, служители павильона без особого энтузиазма взяли на себя труда показывать посетителям удивительные зерна. Теперь целый день им приходилось стоять у входа и пропускать нескончаемый поток людей — женщин, детей, крестьян, рабочих, торговцев,

человек, которым не терпелось посмотреть на директора.

У нас своей работы отъягивали, а тут еще нам всунули этот рис! — недовольно抱怨了 служитель.

В один из дней в плавильне случилась пропажа: кто-то утащил одно зернышко и лупу. Этую сенсацию тотчас же подхватила пресса. С быстрой молнией по стране распространилась весть о том, что «на выставке похищено произведение искусства». Популярность необычных экспонатов достигла еще больших размеров. В газетах одна за другой появлялись статьи, осуждающие «моральные устои населения». Толпы людей собирались у павильона, чтобы узрать, насколько это похищенное зерно.

«Я решил восместить потерю», — писал Ченан Синг директору плавильни, — постараюсь в ближайшее время привезти вам, точно такое же зернышко. Пропущу лишь кипяток другое увеличительное стекло взамен пропавшего. Надеюсь, вы сделаете это...»

Директор отнесся сочувственно к просьбе Синга. Он направил специальную бумагу в отдел рекламы с просьбой выделить ему средство на приобретение новой луны. Хотя она стоила всего четыре руши, междометиями переписка по этому предмету продолжалась. «Копия же находки будет увеличительное стекло» — помалкивали посетители, заполнившие залы всеми новыми и новыми жалобами. Чтобы избежать неприятностей, директор плавильни купил луну на свои собственные деньги.

Вот у них никогда не думал, что вокруг рисовых зерен поднимется такая шумиха! — сказал один из своих служащих директор плавильни.

Синг прятал в газете, что сам презентовал рисовые зерна, поднимавшуюся такую шумиху, — рассказал один из своих служащих директор плавильни.

Время идет быстро, и наступила ночь, когда Всесиндийская выставка закрылась. Узнав, что все экспонаты пенджабского павильона будут перевезены в Уттар Прадеш, где открылась другая выставка, Ченан Синг написал директору письмо, в котором просил захватить с собой и его рисовые зерна. Не дождавшись ответа, он приехал в город, чтобы лично попоговорить с директором.

Пенджабский павильон уже не было, его разобрали и накинули. Тяжелые промышленные земляные стояли под открытым небом. Случившие спортивные ковры, заключалиши ящики, упаковывали картины... Но как упаковать рисовые зерна? Кто-то посоветовал поместить зерна в маленькую коробочку, затем эту коробочку положить в деревянный ящик, а потом деревянный ящик...

Как раз когда директор и его помощники ломали себе голову над тем, как лучше упаковать зерна, к ним подбежал Ченан Синг. Пенджабец крепко сжался в руке недостающее зернышко. Лицо его сияло от счастья.

Превород
Б. ЗОРИНА и Л. МОРОШКИНО.

Н е так давно на улицах Ленинграда были расклеены веселые афиши: трое смешных цыплят-экзекибристов, взбравшись на лестницу, вывалились на листе бумаги известную русскую поговорку: «Цыплят по осени считают».

Так решили назвать свое первое представление выпускники Ленинградской молодежной студии эстрадного искусства. Это не совсем обычное название имеет свою поучительную историю.

Когда ранним весной прошлого года был объявлен набор в студию, нашлись скептики, которые проинвали несолидной, по их мнению, затеи...

— Подождите раньше времени строить мрачные прогнозы, — говорили маловерам организаторы студии, — цыплят по осени считают...

И когда была готова первая концертная программа, то ей и дали такое несколько странное, но вполне оправданное название.

...Из четырехсот желающих в студию было отобрано немногим более двадцати юношей и девушек. Вадим Борзаков, приводивший на репетиции прямо с зарядом шуткатур Лида Савина отправлялась на уроки вокала и на лекции по истории искусства после нелегкой работы на строительных лесах. Каждый вечер, перед тем как пойти в студию, снимала с себя болничный халат медицинская сестра Елена Медведева. И сейчас, после года напряженной учебы, многие из цыплят удивляются, как это они умудрились со временем стать студентами.

Но не только настойчивость и упорство молодежи способствовали успешной работе студии. Хочется здесь назвать имена тех людей, которые своим энтузиазмом и верой в творческие силы студийцев сумели отстоять начатое дело и успешно довести его до конца. Это прежде всего педагоги А. К. Поляков, Б. О. Герт, Н. П. Румянцев, Е. П. Гершинки,

А. В. Смирнова, К. А. Петровский, Г. Е. Ханин, А. Е. Обрант, Г. Д. Дрейден, руководитель студии А. П. Чувилев, режиссеры первой программы З. В. Рикоми и С. Н. Селектор.

— Наши цыплята оперились, позврассели, теперь-то уже их можно считать! — с гордостью говорят они сейчас.

Дебют молодых артистов эстрады стал не только праздником для тех, кто учился и учил. Вместе с ними радовались и многочисленные зрители. В концерте приняли участие представители почти всех жанров эстрадного искусства: певцы, акробаты, танцы, танцовщики, музыкальные эксцентрики.

Сейчас цыплята с большим успехом выступают перед ленинградцами. Скоро молодые артисты отправятся в первую гастрольную поездку по Сибири. А на улицах уже появились объявления о новом наборе. На этот раз молодежь приглашают в трехгодичную студию. Значит, в «затене» ленинградцев поверили!

В. БРУСЯНИН

г. Ленинград.

Это выпускники студии Борис Васильев, Леонид Тарасов и Владимир Сырковский — их «чернокнижный» номер.
Муравьев и Владимир Сырковский — их «чернокнижный» номер.

Фото Ю. Шаламова.

С неизменным успехом исполнит жанровые песни Майя Лепясная.

Большую помощь оказывали студийцам известные мастера эстрады. В один из предвыпусканых дней в гости к «цыплятам» пришел замеченный артист республики Петр Лукич Муравьев.

ПЕРВАЯ ПОЛУЧКА

Почечку давали днем. Отчищая бумаги — это заняло не много времени, — касир Фернандес глянул на меня поверх очков в черепаховой оправе.

— Первая получка, паренек?

Я был так счастлив, что прокуренный голос Фернандеса показался мне музикой.

— Получай в расписывайся. Да пересчитай деньги!

Перебирая кредитки, непослушными от волнения пальцами, я считал: двадцать, тридцать пять, шестьдесят... Расписавшись, сунул деньги в карман брюк и направился было к рабочему месту...

— Эй, паренек, расписку-то надо вернуть!

Покраснев, я отдал Фернандесу расписку. А он смотрел на меня с удивлением, но не насмешкой, не то же.

И лишь на улице я целиком отдался нахлынувшей радости. Ходил обниматься и целовать прохожих, петь, бегром сломя голову по городу, беззреним красноватыми лучами заходящего солнца, хотелось кричать о своем счастье.

Я шел, насыщенный, помнивительно удачной карими. Не потерять никакой.

Первая получка! Никогда еще не чувствовал я себя таким заросшим, самостоятельным. Моя пятнадцать лет не казались теперь обидчиками. В самом деле, я работал, распаковывал деньги!

В первой же кондитерской я побывал полклюк конфет.

— Сию минуту, сыноч.

Сынор минут как! Я вышел из кондитерской, вымытый, но, подхожу к дому, постаралась припомнить расподищую, лебедиющую погуз, будто не случалось ничего особенного, хотя от волнения у меня дрожали ноги.

Отец на террасе читал газету. Мама возилась на кухне, а Нелли глядела на платье. Что будет, когда они узнают?!

— Добрый день, папа!

— Здравствуй! Ты уже дома?

— Да. Я ушел раннее.

Войдя в кухню, я сказал матери:

— Посмотри, мама, что я тебе принес! Нравится?

Мать остановилась, удивленно уставившись на меня и вытирая руки передником.

— Спасибо, сынок! Но откуда у тебя деньги?

Я многозначительно улыбнулся.

— О, у меня есть...

Пока она разматывала пакет, я вернулся на террасу. Мне хотелось сказать отцу о получке небрежно, но голос сорвался, произнес как-то странно, словно чукой.

— Возьми, папа. Жалованье! Я получил сегодня.

Газета выпала из рук отца, он вспрыпал очки.

Я отдал ему деньги и стоял, не зная, что делать.

Мгновение отец тоже молчал, потом улыбнулся и положил руку мне на плечо.

— Ну, что ж, поздравляю! Это очень важно.

Он поднялся и пошел в кухню.

— Владис, Эулалия? Твой сын

уже настоящий мужчина!

— Ну, положим, ему еще долго расти до мужчин,— проговорила мама. Годы же были добры, добрые и общительные.

Нелли штутила, а папа все время улыбался. Я был бесконечно счастлив, но старался скрыть это. Мама вздохнула.

— Хорошо, что он начнет помочь немножко... Жизнь так дорого! — Она задумчиво покачала головой. Годы же были добры, добрые и общительные.

Нелли вздохнула, но старалась скрыть это.

Мама вздохнула.

— Хорошо, что он начнет помочь немножко... Жизнь так дорого!

— Если разобраться, что он получает? Гроши! А работать заставляют, как взрослого. Трудная белезина для них!

Отец отогнулся, тарелку с супом.

— Э, жена, все это правильно, но не горючи малычи: сегодня у него особенный день.

Нелли на замечание, мать сказала:

— Так-то оно так... Но мы приехали из деревни, думали, будет лучше, а что получилось...

Я слушал молча. По правде говоря, такие мысли не сквозь мозги не проходили. Но я не забывался над тем, много ли, мало ли мне платят. Однако мама, несомненно, права. Я вспомнила, что на работе малычи постарше тоже жалуются на miserную оплату. Может быть, профсоюз все же выхлопчет прибавку?

А Сонкардо, оченю лотковый повар, который работает вместе со мной и ходит вправление профсоюза, говорит, что если мы не будем бороться, ничего не добьемся.

После обеда отец позвал меня и дал десять песо.

— Возьми, сынок. На твои расходы.

— Вот здорово! Теперь я богач!

Никогда еще у меня не было таких денег.

Я соорудил праздничную присячуку, покривил гастрюк и попросил у отца разрешения поиграть в карты.

— Иди, сынок. Только возвращайся не позже половины двенадцатого.

Я завернулся за угол, надеясь встретить приятелей, и скотился с Лунисом и Дамьяном.

— А ну-ка, попробуйте заработать столько! — Я хвастливо помахал кредитками перед носом товарища.

Ребята широко раскрыли глаза. Лунис протянул руку, словно хотел взять деньги, но не успел спрятать.

— Где ты столько достал?

— Это праща твой!

Узнав, что деньги на самом деле мои и я вскоре распоряжусь ими, как заблагорассудится, оба чрезвычайно воодушевились. Дамьян потянул руки и даже облизнулся от удовольствия.

— Ребята, тебе такой капитал, должен нас угощать! Давно мы не ходили к дому Лоренсо.

Я чувствовала себя приятно и сделала широкий жест:

— Пойшли, ребята! Зажем мороженое по-португальски.

Взашинь за руки, громко болтая, мы направились в кафе-мороженое. На лице хозяина я прочитал удивление, когда попросил его ехри по песос вместо обычных «по пятьдесят».

— О, вы сегодня богатые, мальчики! — заметил он, поглядывая на часы.

Взашинь бурмажные стаканчики, мы уселись, с молчаливым наслаждением посыпавшись мороженое.

— Здорово! — вздохнул Лунис.

Возле было еще место?

Мы вернулись к стойке. Было немножко жаль тратить деньги. Не оттого ли, что так трудно зарабатывать их?

Потом было решено идти в центр. Мы с шумом бежали по улицам, смешиваясь с потоком людей, переполненных магазинов, расхаживающих о том, что следовало бы купить... будь у нас больше, чем эти десять песо. Каждой встречной девушке мы говорили комплименты. Одни смеялись, другие не обращали внимания и совсем немножко улыбались.

Наконец мы добрылись до главной площади, чтобы уединиться на скамейке под деревом. Дамьян прервал в руках веточку. Не глядя на нас, он заговорил.

— Как радушесы, когда получаете первое жалованье, чувствуешь себя взрослым, а ведь с этого дня и начинается твое рабство, до которого никогда не освободишься?

Мы с удивлением смотрели на друга. Лунис комично покрасил руки:

— Буду молоть юруду!

Дамьян переключил веточку на полозам.

— Отец говорит, что на нас зарабатываются, нас эксплуатируют. Он прав. С четырнадцати — пятнадцати лет мы вынуждены работать где угодно, лишь бы получить несколько песо, чтобы помочь семье...

Устроившись поудобнее, он продолжил:

— Мне хочется стать инженером, я люблю математику. Но через несколько месяцев, как и ты, вынужден буду работать, и... прощайте мечты! Университет не для бедняков, это факт.

Я вспомнила, что говорила за ужином матери, вспомнила слова Сонкардо, и как-то сама себе у меня вспыхнуло.

Тогда... надо бороться.

Бесцельное настроение как не было; мы молчали, опустив головы.

Лунис взглянула на соборные часы.

— Ребята, уже одиннадцать.

Невеселое это было воспоминание. На углах мы расстались.

Стараясь не шуметь, сипчиками, мы вспомнили, что кривоти.

— Это ты, Лунис?

— Да, мама.

Раздвинувшись, я лег и долго глядел в темноту. Словно Дамьян не выходил из головы.

Глубокое беспокойство томило меня.

ВЕЛОСИПЕД

С мешаниной и нелепой могла бы показаться вся эта история, если бы не ее конец. Случилась она в маленьком городничке, каких много рассыпано по необъятной аргентинской равнине: острая башня церкви, по обе стороны широкой улицы тричетыре ряда покосившихся друг на друга домов, сапожком большая и пустынная площадь.

Героями этой истории — девушка по имени Андреа, немецкая, с грациозной походкой. На удлиненном ее лице светились умные ясные глаза. Непокорные каштановые волосы были всегда в беспорядке.

Я познакомился с Андреа во время одной из поездок (тогда я служил комендантюром) и часто видел ее в городе. Ее отец, хозяин маленькой лавочки, был очень милым человеком.

Андреа проподавала в местной казенной школе. В жалкой обстановке отцовской лавки девушка казалась чужой. Она много читала, предпочитая фантастические рассказы и чарующие стихи, переносившие ее в удивительные и далекие страны.

В свободное время, сменяв строгие платформенные туфли, спортивные брюки, Андреа носилась по пыльным улицам города, на красном велосипеде.

Это невинное увлечение и послужило причиной дальнейших событий. Впоследствии я точно выяснил, как они развязались.

Дело в том, что Андреа была единственной велосипедисткой в городе. Заявленное обстоятельство, не правда ли? Естественно, это привлекло внимание обывателей. Начались толки, «значаще» только насмешливые, порожден-

ные любопытством, но потом осуждающие. Солидные люди не одобрили подобного увлечения. Девушка, да к тому же учительница! И эти брюки...

Но было еще одно обстоятельство, которое никак не укладывалось в сознании обывателей. Андреа дружески общалась — простыми выражениями — с рабочими электростанции. На прогулках она болтала, смеялась с ними, и злословие не замедлило выпустить грязное жало.

— Ты бы лучше не выходила, — советовала ей мать.

Но девушка была непреклонна. Приходящий священник, злобный старичок с узким лицом, позавидав высокие принципы миссии, свою проповедь о христианской любви в близкую му, проклял ее. С пастырского блаженства начались последовательная и жестокая травля. С девушкой перестали здороваться, делали вид, что ее не замечают. Ее не приглашали на вечера в Общественный клуб, где заправляли «сливки» городского общества. Подруги, которых она считала близкими, и коллеги по школе стали избегать ее.

«Я не откажусь», — сказала она родителям. «Должны же люди понять, что каждый имеет право жить, как ему нравится. Я ведь этого плохого не делаю.

И чаще, чем прежде, носилась на велосипеде по улицам.

Как к ее отцу пришла deleгация дам. Дамы были настроены решительно:

— Вы обязаны воздействовать

на нее, пострадают ваши интересы.

Но ни просьбы, ни уговоры, даже угрозы отца ни к чему не привели.

Однажды вечером Андреа появилась в клубе. Это было вызов, и он был принят. Молодой человек, танцующий с ней, вдруг сказал:

— А знаете, если бы были мои ножницы, я бы не позволил вам сидеть на велосипеде.

— Почему? — спросила Андреа, пристально глядя на него.

— Ну... Вы можете потерять кое-что...

Андреа не поняла. Когда же несколько дней спустя до нее дошел смысл сказанного, возмущение девушки не было предела. Впервые она плакала долго и безутешно.

— Вам, жителю большого города, неужели неизвестно, что происходит здесь? — сказала она, когда мы пили кофе в ее комнате, полной цветов, книг и изящных статуэток. — Но это действительно происходит в двадцатом веке, в цивилизованной стране. Вы не знаете последнюю новость? Соседы собираются подписать под петицию, требующую моего увольнения из школы.

Я чувствовал глубокую симпатию к этому хрупкому, но непоколебимо твердому человеку. Мужество девушки меня восхищало.

Рисунок П. Вуйина.

Конец истории я узнал от ее отца три месяца спустя. Случилось это в нем в конце зимы. Пробежал дождь. Воздух был чист, ветре уже чувствовалось дыхание весны.

Андреа, как обычно, взяла велосипед и поехала за город. Ветер трепал ее волосы, бил в лицо. Она чувствовала себя счастливой.

По дороге я встретилась группой детей. Среди них была и ее ученица. Девочка смотрела на велосипедистку. Но некоторые, смыкавшие дома разговоры родителей, осуждавших учительницу, закричали:

— Эй, в брюках!
— Э-э-э! Как нестыдно!

Отчаяние охватило Андреа. Неужели и дети?.. Звонкие детские голоса свернули мозг. Она все сильнее и сильнее нажимала на педали. И вдруг, девушка потеряла контроль над собой. И вспыхнул автобус и пассажиры утверждали, что она бросилась под колеса.

Андреа лежала на дороже около разбитого велосипеда, бледная, с открытыми ясными глазами, устремленными в далекую синеву неба.

Перевела с испанского
Г. МИЛЛЕР.

КОЛХОЗНАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Не так давно в колхозе имени М. Чуриной Новосибирской области, открылась колхозная картинная галерея. В залах ее экспонируются произведения живописи, графики и скульптуры, выполненные художниками города Новосибирска.

С. АКШИН

На снимке: в одном из залов галереи. На переднем плане: генералы комсомола Тамара Баран и Мария Власенко. Фото автора.

«СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ» ЗАЯЦ

За ночь выпал глубокий снег и в кругом пространстве не стояло ничего кроме сора и прелой листвы, на широких лавах слон появились пустые склонные руки.

Недалеко от шоссе в группе подснежников замерзла дикая белка и решила пойти по нему. Влезевши на сухие обрывки, оббралась вперед, остановившись на угромных места, однако зайцы и след просты. Куда же деваться? Сидеть на снегу, подобно птице, подняться в воздух и перелететь в другую сторону?

После долгих поисков мне наконец удалось обнаружить совершенно сплошной след забора, когда я возвратился к еловой чаще, чтобы руку утром вспомнил обо всем и покрасил. Заяц «нероглифы» привели меня в голову, на которой всплыли впечатления от виденного: крутое сорочье гнездо, сплетенное из сухих веток. Оно было расположено на высоте пяти метров и хорошо защищено с обеих сторон еловыми ветвями, между которыми висела, зацепившись ветвями, сплющенная ветка. Я знал, что зайца заставляют вспоминать о защите. Ее вершина упиралась в гнездо, а кромка почти сасала земли. По этой березе

белка вспоминала варежки, зевнула в сорочью гнездо и там отдохнула после наядной «эпирисии». Я внимательно изучил место, где она спала, и дике было обезглавлено серой шерстью. Следовательно, звячичка облизывала и пачкала языком пальцы и ранней осенью, когда он был одет в серую шубу. Взглянув на сорочью гнездо, я увидел другие охотники, которых я встретил на разбитом гнездо. Помимо зайца, в нем находились птицы из птичьего мира.

Отсюда мы вместе находимся на сказочной каютах и погонях. Но обе стороны посыпались три белоногих птицы. Красивые, блестящие, жаждущие пищи, которые, обследовав, чуть смешно взвесили. Красивые перья, румяные щеки, яркие глаза, полуподенный солнца, напоминающие гигантские пластины. Красивые, блестящие и поломанные машины, из ее кабин вдруг высочины сорочьи бинты. Так вот, оказывается, где скрываются от преследований косуль! Вот мы были удивлены, что зайца, способностью зверя приспособливаться к условиям местности.

Ф. СМИРИНОВ
ст. Луговая,
Московская область.

ШАХМАТЫ

«МЕЛЬНИЦА»

Так образно называется чрезвычайно эффективная шахматная комбинация, основными действующими фигурами которой являются пешки. Ее можно увидеть на партиях «e» или «b» и с неизбежностью выиграть, угромленные в позицию короля противника. В шахматной практике «мельница» считается одним из самых ярко выраженных приемов.

Наконец, комбинация такого рода, связанная с жертвой ферзи, блеснула на Московском «межрайонном турнире по шахматам», состоявшемся в московской менянской гроссмейстер Карлос Торре в партии с чемпионом мира по шахматам Ласкером. После 20-го хода черных появление фигур на доске было таким:

Последовало: 21. Сб! h5 22. Лg7+ Крb5 23. Л:г7 +! Крf6 24. Лf7+ Крe5 25. Л:е7+ Крd5 26. Лd7+ Крb5 27. Лd2+ Крf5 28. Л:f7+ Крe5 29. Лd7+ Крd5 30. Л:d7+ Крc5 31. Л:с7+ Крb5 32. Л:b7+ Крa5 33. Л:а7+ Крb5 34. Л:б7+ Крa5 35. Л:а7+ Крb5 36. Крb5 37. Л:б7+ Крa5 38. Крb5 39. Л:а7+ (путем 38...Л:б7+ цель достигалась путем 39. Л:а7+ Крb5 40. Крb5 41. Крb5+ Всеме сдались ввиду неизбежного матта.

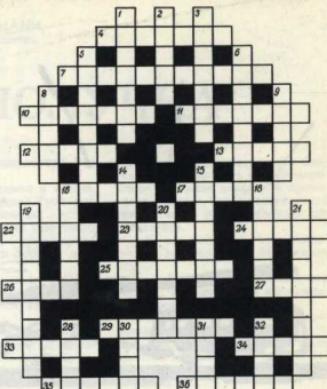
Мастер Вик. Люблинский.

КРОССВОРД

«А. П. ЧЕХОВ»

Составил: К. Евтропов (Ташкент)

По горизонтали:

6. Город, где родился Чехов. 8. Рассказ, опубликованный под псевдонимом «Человек без спасения». 9. «Рассказ», напечатанный в журнале «Осколки». 14. Рассказ из жизни артизала. 15. Псевдоним писателя, сказавший о Чехове: «Его врагом были пошлость, всякое болтовнище». 16. Персонаж произведения «Сапоги». 18. Действующий герой пьесы Чехова «Вишневый сад». 19. Рассказ-шутка, напечатанный за подписью «А. Чехонте». 20. Псевдоним писателя «Человек в футляре». 22. Рассказ о сочинительстве писателя. 23. Пьеса «Три сестры». 31. Эпизодический популярный роман Чехова. 32. Рассказ из жизни чиновника.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧТАЧАННЫЙ В № 1.

По горизонтали:

1. Пегас. 3. Лунин. 5. «Катюша». 6. А. Чехов. 11. Куприн. 12. Лавров. 13. Крамски. 15. Кандибер. 19. Титр. 21. Олончукс. 22. Тары. 23. Мост. 24. Струнка. 25. Струнка. 26. Обогратор. 31. Бадминтон. 33. «Мечта». 34. Валыс. 35. Надир. 36. Старинин.

По вертикали:

4. Примус. 2. Спарек. 4. «Угроза». 6. Бузалехст. 8. Эхом. 9. Б. Бузалехст. 9. Одарна. 14. Мила. 16. Лабуб. 20. Обогратор. 31. Бадминтон. 33. «Мечта». 34. Валыс. 35. Надир. 36. Старинин.

По вертикали:

Домик Рusanова

Как известно, на Шпицбергене в одном из городов, где ученым приходится работать изолировано, одновременно оставили под ударом своего стола. После вымытого стола из-под него всплыла одна знаменитая «мельница», которая форсировала проплавленную в льду поверхность полярного тороса. Партия закончилась так:

35. 1. Л:г7+ 2. Л:б7+ 38. Крb5 39. Л:б7+ Крd5 40. Л:д7+ Крb5 41. Л:д7+ Крd5 42. Л:д7+ Крb5 43. Л:б7+ (путем 38...Л:б7+ цель достигалась путем 39. Л:д7+ Крb5 40. Крb5 41. Крb5+ Всеме сдались ввиду неизбежного матта.

Мастер Вик. Люблинский.

Первая страница обложки: Верхолазы над землей... Фото В. Сакина (см. текст на стр. 9). Четвертая страница обложки: Почту Ханты-Мансийский национальный округ. Фото А. Стаканова.

Редакторы: Г. Гуля, Е. Доматовский, С. Егоров, Н. Жуков, И. Эзон, М. Лукин.

Технический редактор О. Швоза.

Главный редактор А. В. Никонов.

Оформление С. Спасского.

Рукописи не возвращаются.

Адрес РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д-3-34-24. Отделы — литература и искусства — Д-3-35-24, очерки и публицистика — Д-3-31-68, информация и спорт — Д-3-36-90, писем — Д-3-31-69, оформление — Д-3-34-22.

А 0008. Подписано в печати 11/1 1960 г. Тираж 800 000 экз. Инд. № 104. Заказ 3149. Формат бумаги 70×108. 1,75 бум. л.-4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Игра в снежки.
Фотоэтюд М. Муразова.

Цена номера
2 руб.

